

Валерий Черных

ТОНКАЯ ГРАНЬ ВЫБОРА

16+

Валерий Черных

Тонкая грань выбора

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Черных В.

Тонкая грань выбора / В. Черных — «ЛитРес: Самиздат», 2021

У парня из провинции Сани Матвеева всё складывалось как нельзя лучше: столица, престижный вуз, интересные люди, верный друг и любимая девушка. Однако любовь обернулась трагедией, разделившей его жизнь на «до» и «после». Становление личности Матвеева пришлось на 80-е – 90-е годы, и фоном разворачивающихся в книге событий стали распад СССР, передел государственной собственности, формирование новых экономических отношений в новой России, борьба и слияние бизнеса и криминальных структур – это позволяет читателю погрузиться в атмосферу того времени и осознать, что выбор в очень ограниченном, порой «черно-белом» пространстве вариантов бывает непросто, ведь так легко отступить с тонкой грани... Матвеев сумел не сорваться, он выстоял, преуспел, но спустя годы старый враг, о котором ему практически ничего не известно, вспомнил о нем и решил уничтожить. Чем закончится противостояние, удастся ли Александру победить, вы узнаете, прочитав книгу.

© Черных В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Валерий Черных

Тонкая грань выбора

У парня из провинции Сани Матвеева всё складывалось как нельзя лучше: столица, престижный вуз, интересные люди, верный друг и любимая девушка. Однако любовь обернулась трагедией, разделившей его жизнь на «до» и «после». Становление личности Матвеева пришлось на 80-е – 90-е годы, и фоном разворачивающихся в книге событий стали распад СССР, передел государственной собственности, формирование новых экономических отношений в новой России, борьба и слияние бизнеса и криминальных структур – это позволяет читателю погрузиться в атмосферу того времени и осознать, что выбор в очень ограниченном, порой «черно-белом» пространстве вариантов бывает непросто, ведь так легко оступиться с тонкой грани...

Матвеев сумел не сорваться, он выстоял, преуспел, но спустя годы старый враг, о котором ему практически ничего не известно, вспомнил о нем и решил уничтожить. Чем закончится противостояние, удастся ли Александру победить, вы узнаете, прочитав книгу.

Ты – это то, что ты делаешь.
Ты – это твой выбор.
Тот, в кого себя превратишь.

Джонни Депп

Часть первая

По серому промерзшему покрытию трассы белыми змейками вилась позёмка. С левой стороны от дороги, словно замершие на плацу солдаты, монолитным строем стояли деревья, подсвеченные полной луной. Её мертвенный свет разливался по окрестностям, и ночь не казалась такой уж тёмной. Сосны и березы безмолвно наблюдали за кавалькадой из двух машин, несущихся мимо на огромной скорости. Черный «мерседес» неотрывно следовал за джипом сопровождения, но неожиданно тот вильнул влево, вылетел на встречную полосу, качнулся и, завалившись на бок, устремился в кювет. В тот же миг водитель «мерса» резко ударил по тормозам, вывернул руль, стараясь проскочить мимо, однако лопнувшее переднее колесо лишило машину управления, и она, повторив маневр джипа сопровождения, влетела в него с грохотом и скрежетом.

Пассажир «мерседеса» генеральный директор холдинга «МВ» Александр Михайлович Матвеев на мгновение потерял сознание от страшного удара, но тут же пришел в себя и дернул ручку боковой двери. На его счастье, дверь не заклинило при аварии, она со скрипом поддавалась, и он с трудом стал выбираться наружу. Матвеев осторожно ступил на ковер жухлой травы, подбитый тонким слоем снега, покачнулся на ватных ногах, плюхнулся на колени и начал заваливаться на бок. Одновременно с его движением в ночной тишине прозвучал выстрел: пуля ударила банкира в левое плечо и отбросила к машине. Последнее, что он услышал перед тем, как сознание покинуло его, был треск автоматной очереди, раздавшийся справа. Через секунду над телом Матвеева, закрывая его от повторных выстрелов, нависла широкая спина охранника. Второй, припав на колено, вел стрельбу из короткого автомата в сторону придорожных кустов.

– Матвей! Матвей!

Истошный крик, доносящийся с улицы через приоткрытое окно, неприятно отдавался в голове, и Саня Матвеев по прозвищу Матвей вздрагивал всем телом в такт выкрикам.

«Козел конченный!» – подумал Саня, стащил с головы одеяло и похлопал ладонью по тумбочке в поисках сигарет. Нашупав пустую пачку «Примы», со злостью скомкал ее, швырнул в сторону, затем подвинул к себе заполненную до краев пепельницу. Выудив из нее достаточно длинный окуроч, не спеша размял его пальцами, чиркнул спичкой, прикурил и глубоко затянулся. Густой табачный аромат приятно заполнил легкие. Саня медленно выдохнул, и сизый дым поплыл по комнате, рассекаемый лучами утреннего солнца. Он блаженно закрыл глаза, откинулся на подушку, сделал еще пару затяжек. Крики не прекращались, и, затушив бычок в пепельнице, Матвей тяжело поднялся с кровати.

– Матвей! Матвей!

Прошлепав босыми ногами по крашеному полу веранды, Саня отдернул кружевную занавеску, выглянул в приоткрытую створку окна.

– Геша, иди в жопу! Какого ты орешь, баклан!

– Ты чё, спишь еще? – донеслось с улицы.

– Уже нет! – недовольно буркнул под нос Саня и крикнул в голос: – Сигареты есть?

– Само собой.

– Заходи!

Генка толкнул калитку во двор, взбежал по ступенькам деревянного крыльца, подергал ручку на входной двери – заперто. Пока он беспокойно барабанил костяшками пальцев по облупившейся крашеной поверхности, за дверью послышалось недовольное ворчание. Через секунду лязгнув засов, дверь распахнулась, и перед Гешей предстала заспанная физиономия друга.

– Привет, Санёк!

Саня молча подтянул короткие семейники, зевнул и, повернувшись к гостю спиной, направился вглубь дома.

– Здорово, – кинул он через плечо, не останавливаясь. – Проходи, я пока отолю.

Скинув пыльные туфли, Гена прошлепал на утеплённую террасу, где обитал его друг, и осмотрелся. Смятая постель, стул с наваленными на него шмотками, стол с разбросанными учебниками и пепельницей, полной окурков. Он бросил на стол пачку болгарских сигарет, сгрёб со стула одежду, переложил ее на кровать и уселся.

– Ты чё сосранья приперся? В школу не пошел? – глухо поинтересовался Саня, появляясь в проеме двери. Он лениво потянул с кровати штаны и начал напяливать их на ноги.

Генка нахмурил прыщавый лоб, поджал покрытую тёмным пушком верхнюю губу к носу и недовольно процедил:

– Да ну её. Сегодня химия, а я в понедельник поцапался с химичкой.

– Ну и дурак. Не аттестует она тебя, что тогда?

– Куда денется, дура старая! Я в химии лучше неё разбираюсь. Да и пахана моего она забздит. Аттестует... Ты-то что дома? Я с утра в магаз пошел, смотрю – окно открыто. Чё не на работе?

– Все, отработался. Вчера последний день. Нужно заниматься, а то и в этом году не поступлю.

Саня закончил десятилетку в прошлом году. Имея отличный аттестат, он поначалу сунулся в областной вуз на престижный экономический факультет, несмотря на конкурс в двадцать человек на место. Он был уверен в своих силах и способностях, но на первом же экзамене по математике его ждал холодный душ: «два балла ровно», как это озвучивают на соревнованиях по фигурному катанию. Саня не просто наделал ошибок, он не смог правильно решить ни одного примера, ни одной задачи. Ему даже показалось, что задания вообще были не из школьной программы.

– После армии поступишь, – утешил его отец по возвращении домой.

Однако Саня не собирался ни в какую армию. Выбросить два года коту под хвост – это в лучшем случае. А если Афган? В последний год цинковые гробы начали поступать в город с пугающей регулярностью, поэтому Саня твердо решил, что в армии ему делать нечего. Поскольку из-за Олимпиады-80 московские институты перенесли экзамены на август, он уболтал мать отправиться с ним в столицу. Отправились. И вначале всё вроде бы сложилось удачно: и конкурс небольшой, и документы приняли, и общагу дали на время экзаменов. Но как только мать уехала домой, воздух студенческой вольницы затуманил разум, и Сане стало не до учебы. Для парня из глухой провинции Москва – это и так взрыв мозга, а Москва постолимпийская – ядерный взрыв.

Ради поддержания престижа перед иностранцами прилавки столицы заполнили импортными прибабасами, каких Саня и представить не мог – он просто не догадывался, что такое может существовать: баночное пиво, миниатюрные брикеты сливочного масла, зубная паста, выползающая из тюбика разноцветными полосками, и множество других удивительных вещей. Саня бродил по продовольственным магазинам, по ГУМу и ЦУМу, буквально разинув рот. Денег, конечно, не было, но ведь никто не запрещает рассматривать меню в ресторане, если ты на диете?

Но самое главное, что одновременно с абитуриентами в общаге оказались старшекурсники. Они весь прошлый год пахали на олимпийских стройках, и этот учебный год начался для них в августе. Ну и о какой подготовке к экзаменам могла идти речь, если почти каждый вечер в общаге устраивали вечеринки с танцами? Саня с головой окунулся в эту атмосферу вечного праздника и гедонистического угара. Ему казалось, что прежде он жил в запертой комнате, а здесь вдруг распахнулось окно, и свежий, пьянящий морской воздух ворвался в лёгкие, позволив ему наконец задышать полной грудью. Парень был приятен лицом, рослый и сложен отлично; может, он и не имел бешеного успеха, но, как правило, девчонкам нравился.

Она сама выбрала его – девушка, глядевшая смелыми, даже наглыми глазами, беззастенчиво транслируя свои желания. Лена не отталкивала руки Сани, не вздрагивала от каждого прикосновения, когда они, плотно прижавшись друг к другу, качались под медленно растягивающий английские слова хриплый мужской голос, звучащий из огромных колонок. А затем просто увела его в свободную комнату, и они были там до самого утра. Её гибкое податливое тело нравилось Сашке куда больше, чем напряженные тела девушек, которых он тискал в кустах за танцплощадкой или в пыльных подъездах. Оно было живым и пульсировало страстью, вызывая в нем нервную дрожь, заставляя нутро сжиматься от накатывающих горячих волн. Это повторялось каждую ночь. Они словно не могли насытиться друг другом – по крайней мере, с его стороны было именно так. Даже сейчас, спустя полгода, он изредка ощущал на своем лице её дыхание, помнил запах волос, в ушах переливался её томный, страстный голос, многократно повторяющий его имя. Воспоминания, как осколки сна, показывали её отражение – разбитое, но незабываемое, вызывающее жар в груди.

Экзамены в институт Саня всё же сдал, но не добрал полбалла: разгульный образ жизни в течение месяца сделал свое дело. И самое обидное, что москвичам такого количества баллов было достаточно – их приняли в первую очередь, а ребятам с периферии мест не хватило. Но то, что не поступил, было второстепенно: он терял большее – терял ту, которая казалась центром Вселенной, без которой он не представлял свое дальнейшее существование. А вот девушку, казалось, не сильно огорчила новость о его провале. Она просто пожала плечами, чмокнула его в щеку на прощание и упорхнула, словно яркая бабочка, допившая нектар из этого цветка и перелетевшая на другой.

Так бесславно закончился его столичный вояж. Месяц счастья, а потом – ранний подъём на работу, в цех металлоконструкций местного завода. Когда два года назад школьников обучали рабочим профессиям в городском профцентре, Саня записался на сварщика – просто

чтобы не идти в повара или каменщики. Профессия сварщика представлялась ему более значимой, и он не прогадал: дело пришлось по душе, к тому же у него обнаружился талант. Так что после провала в институт полученные за два года профессиональные навыки оказались как нельзя кстати.

Потянулись однообразные, будто фотокопии друг друга, пустые дни, падающие листками отрывного календаря. Воспоминания – мягкая импортная жвачка, остро обжигающая мятой, но постепенно утрачивающая вкус. И время, как известно, лечит... А времени как раз было навалом, и оно тянулось, тянулось... Саня медленно приходил в норму, словно очнувшийся от тяжелой контузии.

– На хрена тебе этот институт сдался? – пьяно втолковывал ему отец после очередной рюмки. – Пять лет науку грызть, чтобы потом за сто двадцать рублей на работе корячиться? Вот я – учился, учился, а что толку? Всё равно в итоге в шахту полез. Семью-то кормить надо! Сходишь в армию, станешь мужиком, тогда и решишь.

Техникум, армия, потом институт на заочном – Михаил Матвеев действительно учился много и долго. И нельзя сказать, что впустую. По словам матери, он мог бы сделать неплохую карьеру, для этого у него хватало и мозгов, и дипломов. Но как только выпускник института получил первую невысокую должность, произошла странная метаморфоза, его словно подменили: рубаха-парень и душа компании стал жестким, требовательным, нетерпимым к подчиненным. И при этом бесконечно спорил с руководством. Немудрено, что от него избавились при первом же удобном случае, а поскольку городок был довольно маленьким, слава неуживчивого скандалиста покатилась впереди Михаила. Спустя некоторое время ему все-таки удалось еще раз устроиться на приличную работу и даже продержаться там следующие три года. Однако и оттуда его выперли с треском. Обиженный на весь мир Матвеев-старший забил на свой диплом и пошел работать простым шахтёром.

В армию Сашка не собирался, он и так считал себя мужиком. Высокий, широкоплечий, он выглядел старше своих лет, и в драке со сверстниками у него не было конкурентов. Правда, периодически и он выхватывал не по-детски, о чём свидетельствовали небольшой шрам на лбу и неровно сросшаяся кожа на внутренней стороне щеки. Но то были стычки с пьяными шахтерами возле местной пивнушки, стычки, в которых победитель был известен заранее, и несмотря на это пацаны вступали в бой, чтобы не прослыть трусами.

Слушая отцовские разглагольствования, мать злилась и качала головой, но с пьяным не спорила. Будучи под мухой муж заводился с пол-оборота и тогда на чём свет стоит крыл трехэтажным матом всё и вся. Начинать с родственников и знакомых, затем, постепенно распаляясь, переходил на местных начальников, и, наконец, уже совсем войдя в раж, добирался до «афганской войны» и «хозяев в Кремле». Апогеем отцовского загула нередко становился погром, который он пытался устроить в доме: бил посуду, угрожал расправой домочадцам. Правда, до рукоприкладства никогда не доходило, но выглядело довольно пугающе. В таких случаях приходилось его умирять: либо с помощью участкового, либо сын выкручивал отцу руки, а мать вязала простыней. Подобное происходило многократно и в самых различных вариациях, это была личная Санина драма – ему было мучительно стыдно за отца. Большинство вещей, которые тот проповедовал в пьяном виде, сын не понимал и категорически не мог принять в силу своего советского воспитания. Он не раз пытался уточнить у трезвого родителя некоторые детали его пьяных претензий к советской власти, но отошедший от пьяного угара отец только удивленно пожимал плечами и качал головой.

– Я такое сказал? Да ты меня не понял... – неуверенно мычал он, словно на допросе, и отводил глаза. – Не слушай пьяного и выбрось всё это из головы.

Когда Санька был помладше, отец срывался довольно редко, и мать терпела. Но время шло, сын вырос, отдалился от родителей и жил своими интересами. В последний год отец

всё чаще и чаще стал съезжать с катушек; почти каждую неделю матери приходилось звонить участковому, и муж отправлялся ночевать в кутузку.

Регулярно закладывать за воротник старший Матвеев начал, когда в городе закрылись шахты. Молодежь подалась в соседние города, работать вахтовым методом, а мужиков после сорока там не жаловали – хватало молодых здоровых парней. Впрочем, и в их городе работы было навалом: открылись металлоремонтный завод, ткацкая фабрика и еще несколько предприятий поменьше, однако зарплаты там были не сравнимы с шахтерскими ставками. Кого-то другого за подобные «художества» уже давно отправили бы на принудительное лечение, а Сашкин отец продолжал бухать и куролесить. Дело в том, что Сашкина мама более двадцати лет проработала медсестрой в местном медпункте, её все знали, любили на районе, и местный участковый тоже с пониманием относился к её проблеме.

Одевшись, Саня достал сигарету из лежащей на столе пачки. Чиркнул спичкой, прикурил, с удовольствием затянулся и хмыкнул:

– После «Примы» – будто чистым кислородом дышишь.

Гена тоже достал сигарету, закурил и двинул подбородком в сторону пепельницы:

– Конечно, столько смолить.

Саня перевел взгляд на стол и недовольно скривился:

– Это вчера пацаны из моей бригады заседали. Я им в кафешке отвальную накрыл, так им же, как всегда, праздника мало. Поперлись меня провожать, зацепили бухла по дороге и сидели у меня допоздна. Курево, конечно, закончилось, вот они мою пачку и прибили. Ты же знаешь, мне одной почти на неделю хватает. Я с утра люблю затянуться, ну и вечером, когда гуляем. Кстати, нужно бутылки утилизировать, а то мать ругаться будет.

Саня нырнул рукой под кровать, поочередно извлек на свет пять бутылок из-под дешевого яблочного вина, сходил за авоськой и сложил туда тару.

– Пошли в стеклопункт, заодно сигарет куплю.

– Бери мои, а то опять «Приму» купишь.

– Только её, родимую. Мне экономить нужно. Мать одна не потянет мою учебу, так что всё заработанное за этот год нужно сохранить.

– Ты так говоришь, будто поступил уже.

– Вариантов нет, – сквозь зубы процедил Саня.

– А отец что, не поможет?

– Толку от него... – отмахнулся Сашка. – Ему самому бы хватило. Девяносто рэ – вот и вся зарплата. Пьяницу кто на нормальную работу возьмет? Сегодня опять не вышел, значит, уволят на днях.

– А он что, дома?

– Не, участковый забрал. Мать вчера рассказала, что пока я пока в кафе сидел, он нажрался вдрабадан, наточил топор, лезвие аж синее, и сел перед калиткой – её с работы дожидаться. В трусах, яйца наружу вывалились, с топором в руках! Задержалась, а он типа ревнует, дурак пьяный. А мама ходила уколы Ивановой делать, продавщице из продовольственного. Та ей колбасы дала, сыра, ну и фигни всякой, много набралось. Муж продавщицы предложил матушку на мотоцикле подвезти, чтобы не тащила в руках. Подъезжают, а тут этот debil с топором, и орет еще. Мужик по газам – еле соскочили, топор рядом пролетел. Мать к участковому, тот пришел и отца упаковал. Так и вел по поселку в одних трусах. Позо-о-орище!

– И чё теперь? – еле сдерживая смех, спросил Гена.

– Тебе смешно, – почесал затылок Саня, – а мне его грохнуть хочется.

– Не, ну ты гонишь!

– Это он гонит. Задолбал уже. Мать, похоже, всю ночь на валерьянке. Проснулся, а в доме духан конкретный. Короче, как выпустят, пусть валит жить к своей матери. В дом не пушу! – отрубил Саня. – Хорош ля-ля справлять, пошли тару сбагрим.

Конец апреля, а яркое весеннее солнышко припекало уже совсем по-летнему. Саня протянул авоську Генке, стащил через голову свитер и завязал его рукава вокруг талии. Хотел взять назад свою поклажу, но приятель отмахнулся.

– Пошли быстрее, – бросил Генка и прибавил шаг.

При виде пустых бутылок из-под вина пожилая приемщица в линялом синем халате, но с ярко накрашенными губами, укоризненно покачала головой.

– Чем бы хорошим увлекались, – проворчала она себе под нос, переставляя стеклотару в деревянный ящик.

Ссыпав в карман выроченную мелочь, Саня направился в продуктовый магазин за сигаретами.

– Погодь, – тормознул его Гена. – Погнали ко мне. Бате вчера целый ящик сигарет приперли. Я втихаря тиснул два блока. Могу поделиться.

Саня задумчиво почесал за ухом. Предложение выглядело соблазнительным, но... Конечно, халява – дело святое, только если отец Генку вычислит, то выпишет ему люлей по полной, а подставлять друга Саня не собирался.

– А отец-то не врубится, что ты спёр сигареты?

– Смеёшься? Он их что, считает? Сваливает в комод, и всё.

Саня стоял, сунув руки в карманы, и медленно перебирал пальцами мелочь. С Генкой он начал тесно общаться пару месяцев назад, хотя тот появился у них на районе в начале зимы. Матвей просто не обращал на него внимания, хотя взрослые живо обсуждали переезд в посёлок новой семьи. Одетые по последней моде, на новенькой бежевой «шестерке», Бореевы заметно выделялись среди провинциалов и казались местным жителям иностранцами. Генкин отец получил должность замначальника районной станции техобслуживания – считай, небожителя, с которым ищут дружбы даже партийные начальники. По сложившейся в стране системе обыкновенный человек был существом, стоящим на самой низкой ступеньке социальной лестницы. Работники торговли, сидящие на дефиците, директора ресторанов, даже официанты стояли неизмеримо выше. Ну а руководители автосервиса вообще относились к самой высшей категории. Как и за какие заслуги Генкин отец получил эту работу, оставалось тайной, покрытой мраком. При упоминании об этом Генка замыкался и старался перевести разговор на другую тему. Впрочем, Саня особо и не лез с расспросами: раз нельзя, не очень и нужно. Да он и дружбы с пацаном не искал, тот как-то сам прибил к нему ночью по дороге с дискотеки, да так и прилип намертво. Саню, который с осторожностью сходил с незнакомыми людьми, новый товарищ не раздражал. Генка, хоть и стоял выше на социальной ступеньке, носа не задирал и не кичился положением своего папаша. Да и дружить-то Матвею было уже не с кем. Из большой компании подростков, в которой он проводил всё свободное время последние шесть лет, остались только двое, которых он недолюбливал и относился к ним как к конченным придуркам. Остальные разъехались: кто в армию, кто учиться – так что выбирать было особенно не из кого, и Генка оказался рядом как нельзя кстати.

Некоторое время Саня с сомнением пялился в землю, затем согласно махнул рукой, и друзья двинулись вдоль по улице.

На фоне серых от пыли соседних строений дом, где обитала Генкина семья, выделялся ярким пятном недавно отремонтированного белого фасада. Он стоял за выкрашенным темно-коричневой краской высоким деревянным забором с мощными воротами. Генка поковырял ключом врезной замок калитки, толкнул её, через секунду взбежал на крыльцо и открыл входную дверь. Саня не торопился следовать за ним. Стоя в шаге от ступеней, он оглядывался вокруг. В десяти метрах от въезда во двор возвышался гараж с металлическими воротами, к нему вел асфальтированный проезд, по обеим сторонам которого тянулись клумбы с розами и какими-то декоративными кустами. Всё было так чисто, вылизано и благопристойно, что

Саня почувствовал какой-то дискомфорт. Идеальный порядок напрягал. Он вдруг вспомнил, как мама постоянно ворчит на них с отцом за беспорядок во дворе, и раздраженно передернул плечами.

– Ну, ты идешь?! – нетерпеливо позвал Генка.

Саня медленно перевёл на него взгляд и неуверенно предложил:

– Может, не будем заходить? Бери сигареты и погнали ко мне.

– Не, ну ты чё? Пошли, посмотришь, как я живу.

Саня медленно покрутил головой, как будто тесный ворот жал ему шею, затем осторожно ступил на крыльцо. Он ожидал увидеть внутри дома богатое убранство: дорогую импортную мебель, ковры, хрустальные люстры, однако в большом зале, куда они попали сразу из прихожей, мебели было мало. Всякие стенки и горки отсутствовали, их заменяли разновеликие полки на белых стенах с обоями мягкой фактуры. Кроме них лишь большой диван у стены, журнальный столик, два кресла и телевизор у широкого окна, обрамленного тяжелыми бежевыми портьерами. Саня медленно скользил взглядом по интерьеру гостиной, словно старался запомнить всё до мельчайших деталей.

– Вот, бери, – отвлек его Генка, протягивая целый блок сигарет.

– Зачем столько-то? Пары пачек хватит.

– Бери, не выделяйся. Жрать хочешь?

Саня взял у Генки картонную коробку и небрежно пожал плечами.

– Давай пожрем.

– Блин! – опомнился Гена. – Я же за хлебом в магаз шел. Вот баран, хлеба то не купил!

– Обойдемся, – успокоил его Саня.

Гена ещё раз чертыхнулся и пошел на кухню. Гость неспешно двинулся за ним. Хозяин вывалил из холодильника сырокопченую колбасу, сыр, банку красной икры, сливочное масло и лоток с яйцами.

– Сейчас яишню забабахаем, – объявил он.

Саня, нахмурившись, смотрел на стол с продуктовым набором, и внутри у него начало вскипать раздражение: «Сыр, колбаса, икра. Живут же люди!»

– Вы что, так каждый день жрете? – процедил он сквозь зубы.

– Как «так»? – не понял Гена. – Ты про яичницу? Не, это я, когда один. Лень суп разогреть, но если хочешь...

– Какая, на хрен, яичница? Вот это всё! – Саня ткнул пальцем в продукты.

– А чё? – недоумевал Гена. – Обыкновенная жарка.

Недоумение друга развеселило Матвея, раздражение исчезло, и он тихо рассмеялся.

– Обыкновенная? Ты где-то в магазинах такое видел? Одни консервы на прилавках.

Гена недовольно скривил рот, так что один глаз почти закрылся. В магазинах он бывал редко, посещал в основном хлебный отдел, а на ассортимент в остальных либо не обращал внимания, либо просто не задумывался над этим.

Действительно, магазины не радовали разнообразием. В основном прилавки украшали банки дешевых рыбных консервов и кабачковой икры да коробки с макаронами. Чтобы заполнить пустые витрины, продавщицы наловчились делать из комбижира огромных ежиков со спичками вместо иголок, лебедей, дельфинов...

– Так я и джинсы, и кроссовки нигде не вижу, а народ носит, – невозмутимо заявил Генка. – За машинами запись на десять лет вперед, а кому нужно – покупают и ездят. Правильно, всё из-под полы. Только я тут при чём?

– Я что, тебе предъявляю? – уже совсем спокойно сказал Саня.

Генка громко хмыкнул, развел руками и смачно выругался.

– А что ты делаешь? Я что, тупой? Не вижу, как ты напрягся? «Жрёте! Каждый день!» Да, жрём, а чё не жрать, если есть возможность?

- Ладно, звянь, – хлопнул гость хозяина по спине. – Чё-то я правда не туда погнал.
- Нормально, – принял извинения Генка. – Я вот даже джинсы в школу не таскаю. Как все, в брючках. В первый день пришел – думал, с говном съедят.
- Одноклассники?
- Не-а, – отмахнулся Геша, – они как раз нормально приняли. А вот препода... Каждый прошелся по моим штанам.
- Ясно. Пара джинсов – две учительские зарплаты, – согласился Саня.
- Коньяк будешь? – сменил тему хозяин, доставая из стенного шкафа пузатую бутылку с яркой этикеткой. – «Наполеон»!
- Слышь, Геша, давай завязывай.
- Я буду, наливай, – раздался тихий бас за Саниной спиной.
- Парень дернулся, словно его хлестанули по голому задку крапивой, и быстро обернулся. В дверном проеме стоял мужчина: выше среднего роста, худощавый, темноволосый, со строгим и довольно привлекательным лицом с правильными, несколько суховатыми чертами. Усталые глаза с подернутыми мелкой сеткой красных сосудов белками в упор и с насмешкой смотрели на ребят.
- Ну что застыл, сына? – бросил мужчина насупившемуся Генке. – Наливай, пока мать не пришла. Кстати, ты почему не в школе?
- Да что-то мне влом сегодня, – совершенно спокойно пояснил сын, достал рюмку и наполнил её.
- А гостю? – спросил отец.
- Так он отказался.
- Ты налей, а там его дело, пить или нет. Я же не алкоголик пить в одиночку.
- Я могу компанию составить, – оживился сын.
- Ты сейчас своему портфелю компанию составишь. Бежать тебе нужно, сынок, мать на подходе.
- Елкин дрын, что же ты молчишь? – всполошился Гена. – Всё, Саня, валим! Мама, если увидит, что я не в школе, всем даст просрать.
- Саня с удивлением слушал диалог родственников. Панибратские отношения отца с сыном вызвали у него откровенную зависть.
- Ты, Генка, вали, а к твоему другу у меня есть дело. Мы посидим немного. Тебя, кажется, Александром звать? Не торопишься?
- Саня отрицательно мотнул головой.
- Пётр Александрович, – представился Генкин отец, протянул Сане руку, и тот крепко пожал её.
- Спустя секунды Генка с портфелем под мышкой мелькнул в дверном проёме, хлопнула входная дверь, и всё стихло.
- Пётр Александрович устроился за столом напротив гостя, нарезал сыр, колбасу, достал вторую рюмку и наполнил её.
- За знакомство, – произнес он, понюхал коньяк и выпил.
- Взял кусочек сыра, откусил и начал медленно жевать. Саня тоже понюхал свою порцию, но пить не стал, а аккуратно поставил рюмку на стол и потянулся за колбасой.
- Не пьешь?
- Почему, иногда могу, – хитро прищурил глаз Саня. – Просто мне сегодня к репетитору по математике.
- Занимаешься?
- Саня кивнул, взял второй кружок колбасы и целиком отправил его в рот.
- Куда поступать будешь?
- В машиностроительный.

– Инженером хочешь быть? Мечта детства? – ухмыльнулся Пётр Александрович. – Генка говорил, что ты вроде на экономический поступал в прошлом году.

– Не вариант. Там конкурс двадцать человек на место, а на инженера два.

– Получается, тебе всё равно?

– Получается, – резко отрубил Саня и насупился.

Он не понимал, что нужно от него этому человеку, и похожий на допрос разговор начинал раздражать.

– Не напрягайся, – успокоил его хозяин дома. – Я не праздно интересуюсь. Если хочешь на экономический, можно помочь, только в Москве. У меня там связи в одном из вузов, так что могу устроить твоё поступление.

Упоминание о столице всколыхнуло в Саниной душе приятные воспоминания, и он застыл с открытым от удивления ртом.

– Кстати, Генка говорил, что тебе уже восемнадцать. Как ты от армии отмазался?

– Не отмазался, – нахмурил брови Саня. – Вот поступлю – тогда да, а пока пришлось ход конем сделать. Я в военное училище документы подал через военкомат. У них же есть план на это дело, так вот они меня и не призвали по весне. А в училищах экзамены раньше, чем в гражданских вузах, так что теперь нужно будет завалить экзамены там и потом ехать поступать в институт.

– Хитро! Сам придумал или подсказал кто?

– Сам.

– Молодец. Так что, согласен?

Саня почесал за ухом, задумчиво глядя в глаза хозяина дома.

– Боюсь, Москва мне не подойдёт. Нужно, чтобы без осечки, могу по времени не успеть после училища подать документы.

– Ну, с училищем я решу. Никуда ехать не придётся.

Пётр Александрович вылил в раковину не тронутый Саней коньяк, сполоснул и убрал в шкаф рюмки, туда же поставил бутылку.

– Так, от улик избавились, а теперь звоночек.

Он вышел в гостиную, принес оттуда телефон с длинным проводом и, вновь усевшись на место, набрал номер.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – бодро бросил он в трубку. – Как твоя ласточка, бегаёт?... – выслушал ответ и констатировал: – Отлично! Есть вопрос к тебе. Хочу заехать завтра. Хорошо, в десять буду.

Он положил трубку на аппарат и довольно потер ладони.

– Ну вот, завтра встречусь с военкомом, и никуда тебе ехать не придется. Так что, согласен на Москву?

– Спаси-и-ибо, – протянул ошарашенный Саня. – Согласен.

– Ну вот и договорились. И ещё один вопрос. Ты Генке объясни, что школу прогуливать не нужно. У него экзамены на носу.

– Я?! – удивился гость.

– Понимаешь, Александр, ты сейчас для него главный авторитет. Так-то.

– Авторитет? – гоготнул Саня. – Сомневаюсь.

– Зря. Ты сам-то сильно к родителям прислушиваешься? Небось, мнение друзей для тебя гораздо важнее.

– Ну вы сравнили! Мои – люди простые.

– Это не имеет значения: простые, сложные... Здесь банальное подростковое отрицание, бунт против любой власти. Не спорь, просто выполни мою просьбу. Хорошо?

– Хорошо.

– Отца отпустили? – неожиданно сменил тему Пётр Александрович.

– Не знаю! – напрягся парень, осознавая, что вчерашний позор видела половина района. – Наверное, еще сидит.

– Может, мне позвонить участковому?

– Не нужно. Видеть его не хочу. Появится – я ему устрою! Пусть уходит.

– Ты не горячись. Не тебе решать. Если твоя мама не гонит его, значит, еще не время. Это только её право.

Легкий поток прохладного воздуха из прихожей возвестил о появлении хозяйки. Саня, сидевший спиной к двери, повернулся и застыл в выжидательной позе. Генкина мама еще некоторое время повозилась у вешалки и наконец заглянула в кухню. Высокая, стройная, с маленькой грудью, тонкой талией и длинными ногами; прямой нос, нежные губы, черные коротко стриженные волосы, строгие карие глаза...

– О, у нас гости, – с улыбкой произнесла она.

– Это Генкин товарищ, – пояснил Пётр Александрович, поднимаясь навстречу супруге. – Знакомься, Александр.

– Светлана Петровна, – представилась женщина. – А ты меня не помнишь, Саша?

Саня напряг память, всматриваясь в красивое, ухоженное лицо с аккуратно нанесенным макияжем, и пожал плечами.

– А я тебя помню. Ну конечно, ты совсем маленький был, когда я уехала отсюда. Я Громова, дочь Юрия Константиновича. Ты, надеюсь, знал моих родителей?

Саня быстро закивал. Громовых здесь знали все. Отец Генкиной матери создавал этот город: вначале как директор самой крупной шахты, потом как первый секретарь горкома партии. Старики умерли с небольшой разницей во времени, года четыре назад. Саня не был на похоронах и, естественно, не пересекался с их дочерью.

– Ну что, Петя, как ты себя чувствуешь? – обратилась она к мужу.

– Вы извините, я пойду, – засобирался Саня.

Он быстро попрощался и вышел в прихожую, Пётр Александрович двинулся следом.

– Завтра вечером подходи часам к семи. Обсудим всё окончательно, – сказал он на прощание. – Сигареты возьми.

– Спасибо, не надо.

– Бери-бери.

Саня сунул под мышку картонную коробку, поблагодарил и вышел на улицу.

Вернувшись на кухню, хозяин дома медленно опустился на стул и устало откинулся на спинку.

– Плохо? – сочувственным тоном поинтересовалась супруга.

– Погано. Трясет.

– Иди ложись. Сейчас капельницу поставлю. Тебе нужно прекращать столько пить. Мне из-за тебя пришлось прием больных прервать.

– Света, ты же знаешь, я и сам не рад, но вчера никак не получалось. День рождения начальника милиции, а там следят за каждой рюмкой. В общем...

Пётр не закончил мысль, безнадежно махнул рукой и прошел в гостиную. Через несколько минут он лежал на диване с закатанным рукавом рубашки, от иглы в локтевой впадине тянулась трубка к стойке капельницы.

– Я в поликлинику. Сам справишься?

– Конечно, не беспокойся. Я сегодня на работу уже не вернусь. Отлежусь, а вечером за тобой заеду.

– Хорошо. Ты что от этого парня хотел?

– Да Генка мне про него все уши прожужжал: Саня то, Саня сё... Я справки навел. Парень нормальный, и башка на месте. Наш поступать будет в этом году, так я хочу с ним этого Саню в Москве поселить.

– Эх! Лучше бы нам самим туда вернуться...

– Ты же понимаешь, так сразу не получится. Нужно, чтобы всё забылось, а пока побудем в ссылке.

– Ну и бог с ним. Хорошо хоть так, хоть не посадили.

Директор крупного подмосковного завода Пётр Александрович Бореев долго считал себя фигурой государственного масштаба, важной и незаменимой. Он напрямую общался с министрами и был вхож в высокие кабинеты партийных начальников. Блестящая карьера, растущее благосостояние – всё это рухнуло в одночасье. Бореев не рассчитал свои силы: ссора с первым секретарем горкома партии переросла в жесткое противостояние, а затем и в настоящую войну, которую директор с треском проиграл. И черт бы с должностью и с заводом, на Борея было вылит столько грязи, столько инсинуаций, что он за малым не оказался за решеткой. От тюрьмы его спас старый друг отца, лично знакомый со Щелоковым, и только вмешательство министра прекратило эту вакханалию. В итоге Пётр Александрович оказался далеко от столицы. Правда, старые связи помогли не опуститься на самое дно. Конечно, должность заместителя директора автосервиса была провалом в его карьере, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба... Чувствовал он себя на этом месте довольно сносно, если не брать во внимание бесконечные попойки с местными руководителями разного уровня – для налаживания контактов. Многие аспекты новой жизни ему даже нравились. Он стал более независим от высоких кабинетов и партийных начальников. А вот его супруга откровенно скучала на периферии.

Светлана махнула рукой лежащему на диване мужу и отправилась на работу в местную поликлинику. Бореев-старший поправил подушку под головой и закрыл глаза. Снова стукнула входная дверь. Осторожно ступая, в гостиную вошел Гена и попытался тихонько прошмыгнуть в свою комнату.

– Стоять! – нарочито грозно рявкнул отец, приоткрыв один глаз. – Подойди.

Гена застыл как вкопанный, досадливо скривился и медленно приблизился к дивану.

– Я тебя куда послал?

– Па-а-ап, – заканючил сын, переминаясь с ноги на ногу, – ну чего я туда попрусь к последнему уроку? – Генка на секунду выжидательно замер, затем придал лицу заботливое выражение и продолжил елейным голосом: – Ты-то как себя чувствуешь?

– Зубы мне не заговаривай. Хреново. Хреново от того, что ты творишь! – рявкнул отец, приподняв голову. Вновь откинувшись на подушку и устало закончил: – Вот не стал я тебя при Сане чихвостить, а ты борзеешь.

– Ладно, не ругайся. Считай, что я проникся. Ты чего от Сашки хотел? – деловито поинтересовался сын, понимая, что разноса больше не будет.

– Хочу его в Москву с тобой отправить.

– В смысле? Когда?

– Летом. Поступать. Хочу, чтобы вы вместе в университете учились. И тебе товарищ, и мне спокойнее.

– Нормально! Только у меня и так полно друзей в Москве.

– Вот за это и переживаю. Такие же охламоны безголовые. Этот вроде посерьезнее будет.

– Смотрю, понравился тебе Санёк.

– Хороший парень, шустрый. Ладно, домашку узнай по телефону и дуй уроки делать.

Отец проводил взглядом сына, скрывшегося в соседней комнате, устало выдохнул и бессмысленно уставился в потолок.

Саня брёл по направлению к своему дому, медленно загребая ногами и не замечая ничего вокруг. Со стороны могло показаться, что парень убит каким-то неприятным известием, настолько отрешенным выглядело его лицо. Однако мысли в его голове скакали с бешеной скоростью. Похоже, жизнь делала крутой вираж. Четко выстроенный план летел ко всем чертям, всё менялось, но неожиданно в лучшую сторону. Столица! Воспоминания о времени, проведенном в Москве – немного стертые, идеализированные, – не оставляли его весь год и уже казались каким-то фантастическим сном. Однако сейчас всё возвращалось, и этот сон начинал обретать конкретное, реальное воплощение.

– Матвей! – окликнули его.

Саня вздрогнул, остановился, тряхнул головой, возвращаясь в реальность, и обернулся на голос. На лавочке у соседского забора сидели двое его приятелей – остатки большой компании пацанов: Вира и Толян. Оба учились в местном ПТУ, куда подались после восьмого класса. Хотя «учились» – это громко сказано: скорее, отбывали подготовительный срок перед отправкой на зону. В том, что они вскоре туда попадут, никто не сомневался ни на секунду: приятели были отмороженные на всю голову, тупые, ленивые, но при этом озлобленные на всех, с пропитанными блатной романтикой мозгами, заточенными только на криминал. Им было по семнадцать, у того и другого отцы – уголовники, не вылезающие из тюрем. Оба парня состояли на учете в детской комнате милиции еще с малолетства.

Друзья лузгали семечки, синхронно сплевывая шелуху – она покрывала уже довольно приличное пространство возле их ног. Выглядели Вира и Толян неважно: худые лица, мятые, не первой свежести шмотки. Брезгливо морщась, Саня медленно приблизился и бросил вместо приветствия:

– Вы чего тут насрали?

– А чё? – осклабился Вира, показывая отколотый почти до десны передний зуб, когда-то выбитый Матвеем.

При виде этой прорехи во рту Саня криво ухмыльнулся приятным воспоминаниям. Он всегда недолюбливал этих двоих. Толян был трусоват и старался держаться в тени, зато Вира качал права по поводу и без, стараясь утвердиться в роли вожака их компании. С первого дня знакомства Вира выбрал Саню – более крепкого, чем он, но не скандального – объектом для самоутверждения и начал его третировать. Поначалу Матвеев терпел его злые шутки и выкрутасы, но потом это перешло все границы, и терпение лопнуло. Они сцепились. Им было по четырнадцать, и оба имели небольшой опыт уличных драк, но то, как Саня отделал противника, вызвало бурное восхищение у компании подростков. После поединка мать Виры даже явилась к Саниной матери предъявлять претензии. В милицию обращаться не стала – ее муж вряд ли одобрил бы такой поступок. К удивлению Сани, мама встала на его сторону и так отшила мамашу Виры, что та навсегда забыла дорогу к ним домой.

– Чё – чё? Через плечо! Иди гадить к своему дому! – злобно прорычал Матвеев.

– Да ладно тебе, не кипишуй, – растягивая слова на блатной манер, успокоил его Вира.

Он поднялся и, шаркая ногами, смешал шелуху с дорожной пылью, сплюнул через выбитый зуб и, довольный проделанной уборкой, заключил:

– Секи, как ничего и не было.

Саня безнадежно махнул рукой.

– Чё хотели?

– Мы тут пацанов собираем. Зеку михайловские прессанули позавчера. Пойдешь с ними биться?

Саня с удивлением посмотрел на приятелей. Когда-то их район назывался Западный посёлок, по традиции он враждовал с поселком Михайловским. Эта вражда передавалась из поколения в поколение, между парнями двух поселков шла постоянная война. Город застраи-

вался, плавно поглощая окрестные поселения, и деление по территориальному принципу осталось в прошлом, но противостояние осталось. Драка при встрече западных и михайловских возникала всегда. Саня уже давно не участвовал в стычках с михайловскими, хотя всего пару лет назад сам собирал ребят ради массовых побоищ, которые происходили регулярно и зачастую без всякого повода. Просто договаривались о месте, собирались толпой и шли махаться. Дрались стенка на стенку, с соблюдением неуставленных правил, без злобы; упавших не добивали и не калечили. Потом ребята повзрослели, появились другие интересы, но им на смену подрастали новые бойцы, желающие проверить свои силы и разогнать кровь.

– И за что его? – осторожно уточнил Саня.

– А ни за что! Просто к телке пришел.

– Пьяный?

– Да не, так, малость поддатый.

– Понятно, – кивнул Саня. – Слушай сюда. Во-первых, Зека мне не кореш, он вообще залётный. Во-вторых, гондон! Наверняка бухой права качал, вот и выхватил.

Саня говорил сквозь зубы, с придыханием, резко бросая слова в лицо стоящему перед ним. Ему было не до каких-то там разборок – мысленно он уже находился в другом измерении, в другой реальности, а эти двое раздражали всё больше и больше. Считая разговор законченным, он повернулся спиной к парням и собрался двинуть домой.

– Ну ты и ссыкло! – бросил ему в спину Вира и сплюнул.

Матвей замер на секунду, медленно сжал правую ладонь в кулак и с разворота врезал по нахальной морде. Вира вытянулся в струну от удара, качнулся и завалился на спину через лавочку.

– Сука, падла! – заорал он через секунду, пытаясь встать на ноги.

Саня внимательно оглядел его разбитую морду, удовлетворенно крикнул и повернул голову в сторону Толяна.

– Ты тоже?..

Тот отрицательно замотал головой, выставив перед собой ладони. Саня немного постоял, глядя на потрясенного, с красными пятнами на щеках, жалкого Толяна, презрительно фыркнул и зашагал прочь.

На крыльце перед входной дверью выстроились в ряд несколько пар обуви. Саня на секунду замер в недоумении, затем разулся, вошел и остановился в прихожей: из глубины дома доносились тихие голоса. Заглянув к себе, он бросил на кровать свитер, сверху блок сигарет и пошел на звук разговора. Остановившись перед дверью в гостиную, прислушался.

– Ну что, доигрался, сынок? И ведь сроду у нас алкашей не было. Отец твой покойный только по праздникам позволял, да и то в меру...

Саня узнал голос бабушки, матери отца, и шагнул в дверной проем. В комнате царил вечерний полумрак – темные плотные шторы на окнах всегда были почти задернуты, чтобы не выгорали обои. Посредине, за большим полированным столом без скатерти, сидели трое: отец, бабушка и мама. Входя, Саня едва не споткнулся о большой дорожный чемодан, который, сколько он себя помнил, стоял в кладовой на самой верхней полке.

– Привет, бабуль, – громко поздоровался Саня, прошел к столу и приобнял бабушку за плечи.

Как всегда, от неё пахло чем-то привычным, родным, знакомым с детства. Мелким он все лето проводил у бабушки – она жила в соседней станице, туда можно было добраться на городском рейсовом автобусе. Счастливым было время: Саня целыми днями пропадал на речке с местными пацанами, являлся домой поздно, усталый и голодный набрасывался на вкусный ужин и практически моментально засыпал. Сейчас любимый внук достиг того возраста, когда

родительская любовь и забота стесняют, и он всё реже и реже навещал бабушку, в основном с родителями, чтобы поздравить с очередным праздником.

Повернувшись к внуку, пожилая женщина вымученно улыбнулась и потрепала его рукой по спине.

– Здравствуй, Шура.

Только она называла его этим женским, с точки зрения Сани, именем, а он всегда понарошку сердился по этому поводу. Но сейчас в её голосе прозвучала какая-то надрывная тоска, и Саня, проглотив дежурную шутку, встревоженно перевёл взгляд на маму. Она сидела, пригласившись на краешке стула, выпрямив спину и устремив в сторону окна застывший отрешенный взгляд. Отчего-то она выглядела как чужая, будто зашла сюда случайно, на секунду: вот-вот посмотрит на часы, блестящие на левом запястье, и начнет суетливо прощаться. Отец, наоборот, сидел откинувшись, широко расправив плечи, в брюках от нового выходного костюма и трикотажной рубашке с длинными рукавами. Для человека, прошедшего ночь в кутузке, он выглядел довольно свежо и респектабельно. Темные выющиеся волосы с легкой проседью на висках были аккуратно зачесаны назад, глаза смотрели на супругу прямо, с легким прищуром.

Саня с минуту молчал, переводя взгляд с одного родителя на другого, затем повернул голову в сторону чемодана. Ясно: чемодан плюс появление бабули означают, что мать позволила ей и сейчас выпроваживает отца из дома. Вообще-то утренний Санин порыв по поводу вчерашнего поведения отца уже угас. Совсем другие мысли заполнили разум, и домашние проблемы, которые буквально час назад он воспринимал как величайшее зло, отошли на задний план, стали просто досадным неудобством.

– Не надо меня в алкаши записывать, – тихо, но твердо произнес отец. – Больше ни капли.

Мама повернула к нему лицо, подняла ладонь с колена, дернула губами, собираясь что-то сказать, но в итоге только махнула рукой в его сторону.

– Ну и что ты машешь на меня?! – раздраженно воскликнул отец. – Машешь и машешь! Сказал – не буду! Ты же меня знаешь!

– Да вот уже сомневаться начала, – наконец заговорила мама. – Ты мне за последний год столько крови попил...

Она опять махнула рукой и замолкла, словно собираясь с мыслями. Затем встала со своего места и вышла на кухню.

Отец хмуро взглянул на сына. Саня неожиданно почувствовал, как на него наваливается что-то тяжелое, неподъемное – ощущение ответственности за происходящее, ответственности за принятие последнего решения. Чувство было незнакомым, пугающим, но одновременно окрыляющим, придающим силы. Он интуитивно ощутил себя старшим среди этих близких ему людей, как чувствовал себя старшим в компании подростков, которые не устраивают голосований, выбирая вожака, но беспрекословно подчиняются воле более сильного. Сейчас Саня был духовно сильнее этих людей, не желавших хоронить прошлое, но и не видящих дороги в будущее. Взрослых, умудренных жизненным опытом, но растерявшихся перед жизненными трудностями, запутавшихся в своих отношениях.

Саня решительно прошел вслед за мамой. Она стояла лицом к окну, и плечи её тихо вздрагивали от беззвучного плача. Он нежно обнял её и, уткнувшись лицом в затылок, тихо спросил:

– Ты окончательно решила?

Она провела ладонью по щекам, убирая слезы, слегка повернула к сыну голову.

– Ничего я не решила. Но так дальше продолжаться не может. Ты же сам видишь, куда...

Она умолкла, накрыла влажной от слез ладонью его ладонь и снова уставилась в окно.

– Ну и хорошо, что не решила, – неожиданно бодрым голосом заговорил Саня. – Мне кажется, не всё потеряно. Не гони его.

Мать повернулась к нему всем телом, отстранила от себя и посмотрела в глаза.

– Ты правда так считаешь? – уже с надеждой в голосе спросила она.

– Конечно! Он же обещал. Ты же сама сколько раз говорила: «Слово отца – кремень».

Мама задумчиво покачала головой. Прошла к столу, налила в стакан воды из графина и медленными глотками стала пить.

В гостиной неподвижно сидящий с закрытыми глазами отец помассировал виски, повертел головой, разминая шею, и, наконец, поднялся. Он немного постоял в раздумье, затем решительно направился в кухню и замер в дверном проеме, скрестив руки на груди. Он уже открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Саня опередил его:

– Мне предлагают ехать в Москву поступать.

В воздухе повисла напряженная тишина.

– Что значит предлагают? – недоуменно уточнил отец. – Кто?

– Генкин отец. Он хочет, чтобы мы с Генкой вместе поступали.

Отец кашлянул, недовольно поморщился, скривив губы.

– погоди, Миша, – вмешалась мама, не дав ему высказаться, – не кривись. Можешь подробнее? – обратилась она к сыну. – Ты же помнишь, чем всё закончилось в прошлый раз? А если опять не пройдешь?

– Пётр Александрович гарантирует. У него есть связи.

– Свя-я-язи! – передразнил отец. – Опять связи!

– Ты можешь помолчать! – одернула его супруга. – Достал уже со своей принципиальностью. Тебя, кстати, мама ждёт!

– Надя! – умоляюще воскликнул отец.

– Тогда помолчи. Ты когда об этом узнал, сынок?

– Сегодня. Мы к Генке зашли, а его отец с работы приехал, ну и познакомились.

– И он тебе с порога: «Здравствуй, Саша, а не хочешь ли в Москву?» – не удержался от язвительного замечания отец.

– Да заткнешься ты наконец?! – рявкнула мать. – Дай расспросить.

– Ну, не с порога, но выглядело примерно так, как отец сказал. Генка в школу отвалил, а меня Пётр Александрович попросил задержаться. Предложил, типа, присмотреть за его сыном, ну и обещал помочь с поступлением. Кстати, на экономический, как я и хотел.

– А в какой вуз? – не унималась мать.

– Не знаю, я не спросил, – грустно пожал плечами Саня. – Мне без разницы. Только Москва – она дорогая.

– А мы, по-твоему, нищие? – хмыкнул отец и гневно нахмурился. – Тебе чего-то не хватает?! Штанов заграничных?!

– Миша! – опять прикрикнула на мужа мама. – Ты, сынок, не думай, деньги есть. Не зря же отец столько лет на шахте горбатился. Тебе на учебу накопили.

Её глаза блестели радостным азартом. Она бросила благодарный взгляд на мужа, тот подобрался и даже гордо выпятил грудь. Семейный разлад отошел на задний план. Мысли женщины уже были заняты другим, более важным, на её взгляд, делом.

– Я, конечно, Генкиного отца не знаю, но Света девчонкой порядочной была. Она, правда, помоложе меня лет на пять, но в школе общались немного, так что...

– Да жулик он, – снова встрял отец.

– У тебя все жулики, а ты святой! Только по улицам в трусах маршировать и можешь, – осадила мама только что воспрявшего духом мужа.

– Ну Надя!

– А ты думал – всё?! Я забыла и успокоилась?! Закатай губу!

Возмущенное выражение на лице мужчины в одно мгновение сменилось на угодливо-смирненное, рот тронула кривая улыбка. Глядя на него, Надежда Яковлевна тяжело вздохнула и безнадежно махнула рукой.

– Пойди, проводи свою маму на автобус, – через паузу сказала она мужу.

– Может, ты сама? – неуверенно предложил он. – Не хочется мне слушать её нотации еще полчаса.

– Куролесить хочется, а слушать – нет? Ладно, провожу.

Бабушка, довольная, что семейная жизнь у сына налаживается, бодро попрощалась с мужчинами и в сопровождении невестки отправилась на остановку.

Когда хлопнула входная дверь, отец расслабленно опустил на диван, откинулся на спинку и устало закрыл глаза.

– А почему ты Петра Александровича жуликом считаешь? – поинтересовался Саня.

Отец приоткрыл один глаз, потер подбородок и сел прямо. Открылся второй глаз, но он продолжал молчать, разглядывая сына. Последние полгода они практически не общались, и сейчас он оценивающе смотрел на повзрослевшего парня, словно видел его впервые.

– Ты знаешь, просто инерция, – коротко пояснил отец, по обыкновению не собираясь вдаваться в подробности.

– По инерции?! Это как?! – возмущенно наседал Саня.

– Ладно. Смотри: его турнули из столицы. За что – неизвестно. А он был большим начальником, значит воровал. Ну и сейчас на хлебном месте.

– И что? – развел руками Саня. – Что из этого? Почему, если начальник, значит вор? И что, ему нужно уволиться с хлебного места, чтобы ты не считал его жуликом? Так?!

Отец устало выдохнул и досадливо поджал губы.

– Да зачем сразу увольняться! Я просто пытаюсь объяснить и факт констатирую. Без жульничества, воровства, без приписок и махинаций наша экономика вообще не работает. План-то выполнять нужно, а как? Вот и руководят нашими предприятиями шустрые жулики. Но самое интересное, что во главе всего этого безобразия стоят партийные начальники. Им спускают сверху разнарядки, они дальше их пропихивают – и понеслось. Хочешь работать – крутись! Ну и, конечно, себя тоже не забывают. А не выполнишь план – сразу вылетит к чертовой матери, да еще и с волчьим билетом. Выставят тебя расхитителем народного добра, а то и посадят, чего доброго. Хочешь не хочешь, а начнешь мутить воду. Нужны материалы для работы – давай взятку! А деньги на неё где взять? Приписки, липовые наряды, мертвые души. Ты сейчас тряхни любое предприятие – и директор лет на десять загремит.

– И ничего изменить нельзя?

– Можно, если экономикой будут заниматься экономисты, а не партийные идеологи.

– Так и где они, эти экономисты? Почему их не привлекают?

– Нельзя. Тогда нужно будет проводить реформы, ломать систему. А как быть с руководящей ролью партии? Конституцию менять? Одним словом, тупик.

Отец замолчал, отвел глаза в сторону и снова откинулся на спинку дивана.

Саня с минуту обалдело смотрел на него и наконец восхищенно выдохнул:

– Ну ты, батя, даешь! Вещаешь, как «Голос Америки»!

– Ничего я не даю, – буркнул отец и добавил: – Ты только всё это не пересказывай никому. За такие разговоры можно и загреметь.

– Да я что, не понимаю... – начал Саня, но отец жестко оборвал его.

– Не понимаешь! Потому что тебя еще не ломали через колено.

– А тебя что, ломали? – осторожно уточнил сын.

– Гнули, – криво ухмыльнулся Матвеев-старший. – Если бы не свалил вовремя, то сломали бы. Дураком был, свое доказывал до кровавых соплей, когда начальником мехмастерских работал.

– А что не устраивало?

– Да всё! Что ни день, то какой-нибудь халявный заказ. То ворота на гараж сварить, то забор, то навес. «Дай, дай!» Откуда? Ни материалов, ни фондов. А работы всё это видят и себе тянут. Несли всё, что под руку попадало.

– Так отказался бы эти заказы выполнять.

– Отказался! Сразу комиссия из «Народного контроля». Столько накопили – еле ноги унес...

– А другие как работают?

– Так и работают. Один принцип: не спорь и делай что прикажут. Давай заканчивать, тебе сегодня еще к репетитору.

Михаил Иванович отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Саня замер, слегка вытаращив глаза. Ему казалось, что отец напрочь отстранился от проблем семьи и полностью погрузился в собственный мир. То, что отец был в курсе его дел и помнил расписание занятий, приятно удивило Саню. Это неожиданное открытие отодвинуло прежние обиды, и всё больше в нем крепло ощущение, что все последние годы в доме жил чужой человек, а вот сейчас вернулся его настоящий, родной отец. Хотелось как-то выразить это возникшее нежно-щемящее чувство, но Саня стушевался, просто кивнул, повернулся в сторону выхода и неожиданно спросил, не поворачивая головы:

– Ты реально пить бросишь?

– Это не трудно, – скривился отец. – Смысл обрести сложнее.

– Смысл? – непонимающе уточнил сын, медленно разворачиваясь к нему.

– Да, Саня, долбанный смысл. Тупо всё как-то. Как пошло дело к полтиннику, так и заклинило. Скучно, тоскливо. Ты вырос, у тебя своя жизнь, уедешь через месяц-другой... Что впереди? Жизнь стала похожей на замкнутый круг, из которого не видно выхода.

– Ба-а-а? – протянул Саня. – Неужели заняться нечем, кроме как бухать?

– Не напрягайся. Разберёмся. Завтра пойду к Ерохину на работу проситься.

– Ерохин – это директор консервного? Ты его знаешь?

– Знаю, – коротко кивнул Михаил Иванович. – Одноклассник мой, сосед и дружок по детству. Месяц назад механиком звал. Пойду узнаю, что как. Матери только не говори, непонятно ещё.

– Как скажешь, – весело бросил Саня, выбегая из гостиной.

В кафешке пахло подгоревшим жареным луком, пельменями и водочным перегаром. Столики в тесном зале были покрыты белыми скатертями не первой свежести. Саня огляделся: у стены скучала тучная официантка в маленьком кокетливом фартучке и белой кружевной наклее в кудрях, за стойкой возвышалась её точная копия. Чуть поодаль, справа, клевал носом перед стаканом с вином одинокий мужик, еще трое посетителей устроились за ближайшим к окну столом. Саня брезгливо скривился. Вира с Толяном окучивали какую-то затасканную малолетку: дерьмовые шмотки, висящие как на жерди, маленькая, еле различимая под растянутым свитером грудь, острые коленки и почти детское, неумело накрашенное лицо. Наверняка именует себя Жанной или Кристиной, а на самом деле её зовут Валя или Катя – просто она это скрывает, боясь казаться слишком обыкновенной. Глаза девушки пьяно блестели; похоже, еще чуть-чуть – и друзья смогут считать вечер удавшимся.

Саня решил не задерживаться, взять с собой бутылку вина и уходить. Он повернул голову к уткнувшемуся в его спину Генке и молча двинул подбородком в сторону стойки. Тот понял без слов, прошел вперед, ткнул пальцем в бутылку сухого и достал трёшник из кармана джинсов. Дама за стойкой смерила посетителя строгим взглядом, видимо, прикидывая его возраст,

затем еле уловимо пожала плечами, поставила на стойку бутылку и быстро отсчитала сдачу. Саня спиной почувствовал устремленный на него ненавидящий взгляд, медленно повернул голову и вопросительно дернул подбородком. Вира скорчил разбитую рожу, приоткрыл рот, собираясь сплюнуть по привычке, но, покосившись на дорожную официантку, поостерегся. Ее вспыльчивый характер и склонность к радикальным методам решения вопросов знали все. Этому заведению не требовался вышибала. Женщина обладала достаточной силой и решительностью, чтобы урезонить и вышвырнуть из кафе даже взрослого мужика. А уж такой, как Вира, был для неё не страшнее котенка. Парень беззвучно ругнулся и отвернул лицо. Посчитав инцидент исчерпанным, Саня подтолкнул замершего друга к выходу.

– Чё Вира хотел? – поинтересовался Генка, когда они оказались на улице.

– Да ничё! Понты колотил, – небрежно бросил Саня. – Я его торцанул слегонца по утряне, вот и бычится. Зачет перед Толяном набирает. А может, ещё хочет?

– Так это ты ему рожу разбил?

Саня молча кивнул и осмотрелся по сторонам.

– Двинули в парк, – решил он наконец. – Там пузырь и раздавим.

Они повернули за угол кафе, прошли под обозначавшей вход в парк высокой аркой и устроились на первой же скамейке. Саня нагрел спичками полиэтиленовую пробку, ловко подцепил её ногтями и с характерным звуком освободил горлышко. Затем протянул бутылку Генке и строго предупредил:

– Только без фанатизма, для настроения.

Генка приложил бутылку к губам и запрокинул голову, терпкая жидкость забулькала, проникая в горло; Саня внимательно наблюдал за процедурой. Спустя несколько секунд он провел ладонью по горлышку и тоже запрокинул голову. Когда он вернулся в исходное положение, в бутылке осталось чуть меньше половины.

– Всё, остальное алкашам оставим. Пусть допьют.

– Шахтерам? – хихикнул Генка. – Эти быстро оприходуют.

– Почему сразу шахтерам? – обиженно напрягся Саня. – Если шахтер, то, конечно, алкаш, по-твоему? Я вон смотрю, твой батя тоже не страдает воздержанием!

– Работа у него такая, – начал оправдываться Гена. – Но у него только с городскими и ментами проблема. Они же жрут как лошади, до усрачки, пока не свалятся. И ему приходится. А про шахтеров – это я, правда, что-то не то брякнул.

– Ладно, не заморачивайся, – хлопнул его по плечу Саня. – Пошли, посетим новое развлекалово.

Он запихнул пробку на место, аккуратно поставил бутылку рядом с лавочкой, и друзья направились к выходу из парка. Майский вечер уже окутал улицы плотными сумерками, но по-прежнему было тепло, сладко пахло жасмином и молодой листвой. Друзья неспешно побрели по главному городскому проспекту к зданию районного клуба, где открылась новая дискотека.

По выходным вся городская молодежь собиралась на танцы в городском Доме культуры. Там вовсю кипела жизнь, но музыка и даже танцы были не самым главным – главным было общение. Хотя общаться под шлягеры из гремющих колонок было довольно затруднительно, это никого не смущало. Рождались любовь, дружба, было всё – ревность, предательство, разборки, и, как правило, под конец вечера толпа выпивших устраивала мордобой. Выходных ждали, оставалось найти пару рублей на билет и портвешок.

Новомодные «дискотеки» появились в городе сравнительно недавно. И хотя «танцы» оставались центральной темой, находилось достаточно желающих оттянуться в будние дни, поэтому директора районных клубов принялись ударно организовывать эти мероприятия. Больших усилий и вложений для этого не требовалось. Всего-то: найти местного меломана с достаточно разнообразным набором модных записей и минимальным набором аппаратуры –

катушечным магнитофоном и мощными колонками. Репертуар большого значения не имел, главное – приглушенный свет и громкая музыка.

В последний год Саня, занятый подготовкой к поступлению в институт, всего два раза посещал дискотеки. Сегодня же его уболтал Генка – вечер выдался свободным, дискотеку очень хвалили, и он согласился. Говорили, что в этом клубе имела даже цветомузыка, и Матвеев решил посмотреть, что это за зверь такой.

Они не стали раздеваться в гардеробе, а сразу прошли в зал, где грохотала музыка и в такт ей в радужном мелькании света дёргались силуэты танцующих.

– Здесь здорово! – крикнул Генка, пытаясь перекрычать колонки.

Саня согласно кивнул и огляделся. На составленных буквой «П» письменных столах стояли два бобинных магнитофона и несколько колонок, рядом на полу мигал разноцветными огнями огромный экран из матового оргстекла. Слегка поддёргивая головой, диск-жокей в толстых наушниках щёлкал клавишами на одном из бобинников.

Друзья укрылись в ближайшей нише и, прислонившись к стене, лениво разглядывали толпу. Ритмичная мелодия закончилась, диск-жокей начал что-то монотонно и неразборчиво вещать в микрофон. Слов Саня не расслышал, но догадался, что тот представляет следующую композицию. Это оказался «медляк», и перед ними в обнимку закачались парень и очень симпатичная девушка. Парень извивался, прижавшись к ней, изредка перебирая руками по стройному телу, она же методично пресекала его попытки опустить ладонь ниже талии и периодически бросала на Саню короткие взгляды. Матвееву ее лицо показалось знакомым, он напряг память и вскоре сообразил: «Это же бывшая подруга Лысого, Ленка! Точно, она!»

Лысый был популярной и уважаемой среди пацанов личностью. Он отслужил в ВДВ и любил демонстрировать полученные в армии навыки, рассказывал о службе и о подвигах бравых десантников – скорее всего, выдуманных, но мальчишки слушали его с открытыми ртами. Наглый, неуправляемый Лысый не вылезал из милиции за драки и хулиганку, и когда прошлой осенью он по пьяни утонул в речке, местный участковый вздохнул с облегчением.

Девушке, по-видимому, надоела борьба с руками похотливого партнера. С перекошенным от злости лицом отстранившись от него, она что-то резко выкрикнула. Парень отшатнулся и, пятась от разъяренной партнерши, ретировался и скрылся в толпе. Генку эта сцена позабавила. Он уже собрался прокомментировать произошедшее в ухо другу, но запнулся, словно проглотив язык, потому что избавившаяся от партнера девушка решительно направилась к ним. Она остановилась перед Саней и, глядя ему в лицо, предложила:

– Пойдем, покурим.

Саня нервно дернул щекой, наклонил голову в знак согласия и взял Лену под локоть.

– Ленка, ты куда! – вынырнув из полумрака, крикнула худая девица в черных джинсах.

– Мы пойдем перекурим с Сашей.

– Я с вами!

– Нет, ты вон с его другом потанцуй. Нам переговорить нужно.

Саня удивленно открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал и стал пробираться с девушкой к выходу. Он уверенно вел её за собой, но неожиданно Лена дернула его за руку и заставила свернуть направо, в длинный коридор, по обе стороны которого тянулись бесконечные вереницы дверей. Похоже, она свободно ориентировалась в этом здании, потому что остановилась у одной из дверей, толкнула её и за руку увлекла парня в маленькую комнату. По виду это была подсобка, здесь царил полумрак, разбавленный тусклым светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь неплотную штору. Как только Саня закрыл за собой дверь, девушка обхватила его руками за шею и впиалась губами в губы. Саня ответил на поцелуй и дал волю рукам, лаская подрагивающее от желания упругое тело. Поддаваясь ласкам, Лена тихо застонала, оторвалась от его губ и нежно провела пальцами по щеке.

– Сашенька, милый, как долго я ждала этого, – хрипло прошептала она.

Саня, уже здорово возбужденный, слегка опешил: «Давно ждала? Интересный поворот. А как же Лысый? Или она ждала уже после него? Где же ты раньше была? – и тут зверьком юркнула мысль: – Да она живет на другом конце города! Ладно, хрен с ним, потом разберемся...»

Он зарылся лицом в локоны темных волос, вдохнул их необычный, терпкий аромат. Его руки поползли по бедрам девушки, приподнимая подол длинной юбки.

– Подожди, – прошептала Лена, и парень с явной неохотой убрал руки. – Пошли ко мне. Я здесь недалеко, в фабричной общаге живу. Месяц как перебралась.

– Пошли, – не раздумывая согласился Саня. – Только Гешу предупрежу, чтоб не искал.

– Да Танька о нем позаботится. Не переживай.

– Иди в гардероб, я быстро.

Сквозь плотную толпу танцующих Матвеев пробрался к месту, где оставил Гену, но его там не оказалось. Ленкина подруга танцевала в обнимку с каким-то парнем, положив ему голову на плечо.

– Генка где?! – крикнул Саня ей прямо в ухо.

Девушка пожалала плечами, потом неопределенным жестом указала в глубину цветного сумрака.

Саня в недоумении покрутил головой, но друга не обнаружил.

– Он с Вирой ушел, – бросил парень.

– С кем?! – рявкнул Саня, резко дернув его за плечо.

Парень отшатнулся, испуганно вытаращил глаза и громко прокричал:

– Они в сквер пошли, с михайловскими махаться!

Саня развернулся и, не разбирая пути, грубо расталкивая танцующих, рванул к выходу. Спустя секунды он выскочил на парадное крыльцо и с рычанием, похожим на звериное, огромными прыжками понесся в сквер позади клуба.

Драка была в самом разгаре. Еще издалека он заметил знакомую голубую куртку в толпе дерущихся, их было человек тридцать. Генка сцепился с каким-то парнем, через мгновение уже валялся на земле, и двое принялись пинать его ногами. Не останавливаясь, Саня в прыжке врезал ногой одному из долбивших его друга, успел впечатать кулак в рожу второму, и в этот момент его остановил страшный удар по затылку обломком парковой скамейки. Ноги вдруг стали ватными, подкосились, и он рухнул на лежащего Генку, навалившись на него всем телом. Последнее, что он слышал перед тем, как надолго потерять сознание, был противный вой милицеских сирен.

Саня очнулся в городской больнице и узрел перед собой бледное, с перепуганными глазами лицо матери. В больничном халате на плечах, сидя на стуле, придвинутом вплотную к кровати, она нервно стискивала ручки лежащей у нее на коленях сетчатой авоськи с продуктами. Судя по яркому солнечному свету, разлитому по палате, было уже позднее утро.

– Саша, ты как себя чувствуешь? – дрожащим от сдерживаемых слез голосом спросила мама.

Саня прислушался к своим ощущениям, пошевелил руками, ногами, приподнял голову и слегка качнул ею, ощущал огромную шишку на затылке. Кроме ноющей тупой боли в районе припухлости, его ничего не беспокоило.

– Нормально. А как я сюда попал?

– Господи! – ужаснулась мама. – Ты ничего не помнишь?

– Чего ничего?! Всё я помню. Как Генка?

– Дома он. А тебя сюда на скорой привезли. Ты без сознания был.

– А почему я только утром очнулся?

– Да спал ты. Тебя в чувство привели, потом укол сделали, чтобы спал.

– Вот этого я не помню.

- Голова не болит, не кружится? Может, тошнит?
- Не кружится и не тошнит. Что за палата такая козырная?

Мама повела взглядом вокруг. Одноместная палата с новой мебелью действительно походила на гостиничный номер. Не хватало только обоев на стенах и телевизора.

– Это Пётр Александрович договорился, – почему-то шепотом поведала мама. – Вас с Генкой обоих сюда привезли. Потом отец его домой забрал, а тебя оставили и в эту палату для начальства положили. Он и сейчас здесь, с главврачихой общается.

Дверь в палату осторожно приоткрылась, мелькнуло лицо Генкиного отца, затем она распахнулась шире, и Пётр Александрович вошел в сопровождении женщины в белом халате.

- Доброе утро, дебошир, – весело приветствовала его доктор. – Как себя чувствуешь?
- Великолепно! Не тошнит, не кружится, не болит.

Она присела на край кровати, взяла Саню за руку, пощупала пульс. Затем проверила зрачки, заглянула в рот и встала.

- Ну что ж, повезло тебе, парень. Крепкая голова. Ну а шишка пройдет.
- Так я здоров? Могу уходить?
- Быстрый какой, – усмехнулась врач. – До завтра полежишь, понаблюдаем тебя, мало ли что...

Когда она ушла, Пётр Александрович подошел к Сашкиной маме и положил ей руку на плечо.

- Надежда Яковлевна, вы не переживайте. Я прослежу, чтобы Санька хорошо лечили.
- Спасибо вам. Ладно, побегу на работу. Ты тут лежи, не вставай.

Она поставила принесенные продукты на тумбочку у окна, поцеловала сына в щеку и покинула палату.

- Хочешь чего-нибудь? – спросил Пётр Александрович, когда дверь закрылась.
 - В туалет, – буркнул Саня. – Вы извините, что так получилось.
 - Да ты-то вообще ни при чем. Мне мой балбес всё подробно рассказал. Можно сказать, что ты его отбил. Неизвестно, как бы всё закончилось, если бы ты свою башку не подставил. Только запомни: вас там не было!
 - Так всё равно менты узнают.
 - Это не твоя печаль. Я всё решу. Вас там не было. Запомнил?!
- Саня молча кивнул, подумал и пробурчал:
- Виру прибыю, когда выйду отсюда. Это он Генку втравил.
 - Думаю, не получится. Твой Вира кому-то отвертку в живот воткнул. Сядет однозначно, а если тот парень умрет, то сядет очень надолго. Хотя, я думаю, ему и так прилично светит. Мне уже пора, отдыхай. Завтра утром я за тобой заеду.

Оставшись в одиночестве, Саня аккуратно встал с кровати и подошел к окну. Стоял чудесный солнечный день. Палата располагалась на первом этаже, и под ее окнами на больничном дворе сустились голуби и воробьи. Огромный бурый кот прыгнул с крыльца, спугнул птиц; шумно вспорхнув, они немного покружили в воздухе и вновь опустились на траву.

Несмотря на легкую слабость, настроение у Сани было воздушным и просто прекрасным. Он с удовольствием припомнил вчерашнее приключение, сладко потянулся, затем облачился в больничную пижаму, лежавшую на стуле рядом с кроватью, и отправился искать туалет.

- Матвеев, подъем!

Санины ресницы дрогнули, глаза чуть-чуть приоткрылись, пропуская свет в узкую щелочку между веками. Он приоткрыл один глаз, протер его кулаком, открыл другой и недоуменно уставился на стоящую перед ним докторшу.

- Как самочувствие?
- Отлично.

Он заметил сложенную на стуле одежду и понял, что его выписывают.

– Одевайся, там тебя уже ждут.

Саня задержался на больничном крыльце, пережидая ливень – один из тех майских дождей, которые неожиданно срываются с неба бешеным потоком. Сверкнуло, громыхнул гром, и тут же из-за края тучи вынырнуло солнышко, словно оттолкнув в сторону черную массу. Как бы нехотя туча тронулась и плавно потянулась к горизонту, увлекая за собой косые струи. Дождь, как обычно бывает весной, прекратился так же внезапно, как и обрушился на землю, после чего Саня, старательно обходя широкие лужи, двинул к ожидавшей его машине. Со стороны пассажирского сиденья ему навстречу, кряхтя и морщась, выбрался Генка. Растянув в улыбке припухшие губы, друг широко расставил руки и прошамкал:

– Привет, болезный.

Саня скривил рот в усмешке, подошел и осторожно приобнял его.

– Это еще вопрос, кто из нас болезный. Неслабо тебе рожу рихтанули!

– Пройдет. Вчера хуже было. Сегодня уже почти норма. Вот ребра сильнее болят.

– Грузитесь, дел полно, опаздываем, – послышался голос Генкиного отца из салона авто. Ребята уселись, мотор заурчал, и машина плавно тронулась с места.

– А мы куда-то торопимся? – поинтересовался Саня.

– У нас поезд через два часа. Сейчас к тебе домой, потом на вокзал.

Саша очумело открыл рот, тупо глядя в перекошенное лицо своего друга.

– И куда мы?

– В Москву! – бросил Пётр Александрович, не поворачивая головы. – Нечего здесь торчать.

Саня ничего не понял, но уточнять и тем более спорить не стал. Он решил, что Борееву виднее, как лучше поступить в сложившейся ситуации.

В купе пахло свежестью, а не пылью, как это обычно бывает, оно оказалось идеально чистым и, к удивлению Матвеева, двухместным. Ребята со скучающими лицами терпеливо выслушали уже заученные наизусть наставления родителей, которые, казалось, не собирались уходить из купе. Затянувшееся прощание прервала дородная проводница, отрывисто приказав всем посторонним покинуть вагон. Расцеловав парней на прощание, родители спешно ретировались и застыли на перроне перед окном купе в ожидании отправления поезда.

Когда ребята остались одни, Саня вдохнул воздух полной грудью, потом с шумом выдохнул, ногой затолкал чемодан под застеленную свежим бельем полку, плюхнулся на нее и осмотрелся. До сегодняшнего дня он ездил только в плацкартных вагонах: открытые купе, набитые простым людом, пропитанные людским потом и ни с чем не сравнимым запахом железной дороги; толпа, синхронно поедающая припасенную курятину, яйца вкрутую и вареную картошку; орущие без конца дети, кашляющие и кряхтящие старики.

– Это что за вагон такой? – поинтересовался Саня. – Сколько стоит?

– СВ, – небрежно бросил Генка. – Других мест не было, а эти дорогие, поэтому и не выкупили.

Саня укоризненно покачал головой, недовольно цокнув языком. В этот момент вагон резко дернулся, и перрон за окном медленно поплыл назад. Ребята придвинулись к окну и замахали родителям на прощание.

– Ты не парься по поводу билетов, – успокоил его Гена, когда вокзал скрылся из вида. – Отец всё сам оплатил, так что...

– Парся – не парся... – недовольно передразнил Сашка. – А всё дурь твоя виновата. Теперь гребём, как подорванные. И перепихон обломал. Только телка зачетная на меня запала, тут же облом. Прикинь, говорит – ждала меня!

– Да лапшу она тебе вешала! – отмахнулся Гена. – Моя тоже чуть из трусов не выпрыгивала. Им без разницы, на кого вешаться. Они же обе укуранные в хлам были. Шалавы – они и есть шалавы.

– Укуранные?! С чего взял?

– Я че, ни разу не грамотный? Духан от них... да и так видно, что перло обеих.

Саня на секунду задумался, припоминая детали своего приключения, и согласно кивнул, словно вновь ощутив странный запах, исходивший от Лениных волос.

– Ладно, проехали. А что с твоими экзаменами?

– Фигня, отец всё решил. Я в старую школу вернусь, там и сдавать буду. Плохо, что жить у бабули придется.

– Почему?

– Узнаешь. Там у неё, как в казарме. Всё по распорядку: шаг вправо, шаг влево... Короче, если что не по её – кранты.

Саня ничего не ответил, отвернулся и уставился в окно. Генка открыл крышку стоящего между ног чемодана, порылся в нем и извлек из-под аккуратно сложенной одежды бутылку армянского коньяка.

– Смотри, у отца втихаря тиснул. Ну что, накатим за успех нашего безнадежного дела? – весело предложил он.

– Не, мне врачиха сказала, что пить нельзя. Хотя бы месяц. Голова, такое дело...

– Как хочешь. А мне нужно, для анестезии – ребра ноют.

Саня, продолжая смотреть в окно, небрежно махнул рукой и расслабленно зевнул. Он почти не лукавил: доктор, хоть и не категорично, действительно просила его воздержаться от употребления алкоголя. Но на самом деле он не хотел портить такой важный момент затуманенным сознанием. Момент начала новой и, как ему казалось, интересной, насыщенной жизни. Вспоминая мамин любящий взор, папин голос, десять лет в школе, уроки, друзей, он думал о предстоящих переменах. О том, что Генка, конечно, накосычил, но если бы не его тупизм, то не сидели бы они сейчас в этом уютном купе, слушая расслабляющий, убаюкивающий перестук колес.

Генка мелкими глотками хлебал коньяк прямо из горлышка, осторожно ухватывая его опухшими губами, а в промежутках между возлияниями продолжал что-то вещать. Саня не слушал, лишь изредка поворачивал голову на звук голоса, глупо улыбался и кивал головой. Наконец Генка, в очередной раз приложившись к бутылке, поставил её на стол, привалился спиной к стене и закрыл глаза. Через минуту он уже крепко спал, равномерно посапывая. Саша оторвался от созерцания бегущего за окном пейзажа, чтобы аккуратно уложить своего попутчика набок и накрыть простынёй.

– Матвей. Матвей.

Голос, который звал его, казался незнакомым. Глухой, с какой-то надрывной хрипотцой, он словно пробивался словно плотную, прижатую к ушам вату. Матвеев тяжело разлепил веки, пропуская свет, с трудом сглотнул сухой комок в горле и тут же зашелся частым кашлем. Резкая боль в ключице окончательно прогнала остатки сна. Он непроизвольно застонал и полностью открыл глаза. Его самый близкий друг Гена Бореев стоял, склонившись над ним и внимательно вглядываясь в его лицо.

– Саня, блин! Ну наконец-то очухался!

– Где я? – хрипло выдавил из себя Матвеев.

– В госпитале МВД.

– Что со мной?

– Сквозное в плечо. Почти четыре часа оперировали.

Гена достал телефон, включил экран и зачитал:

– Сопоставили костные отломки. В сосудистой части – всё целое. Короче, доктор сказал, что тебе повезло. Если бы были задеты сосуды, то рука могла перестать двигаться или вообще могли ампутировать.

– Сколько я был в отключке?

– Сейчас одиннадцать утра. Через четыре часа у нас медицинский самолет в Израиль.

Матвеев досадливо скривил пересохшие губы, приподнял голову и сипло простонал:

– Воды.

Гена схватил с тумбочки у кровати стакан с водой и, просунув руку под подушку и приподнимая голову раненого, поднес стакан к его губам. Саня пил медленно, мелкими глотками, словно смакуя прохладную жидкость. Наконец он мотнул головой, давая понять, что напился. Гена опустил подушку и вернул стакан на место.

– Почему в Израиль?

– Решили, что там безопаснее всего, так что без вариантов. Пока здесь не разберемся, что и как, посидишь у евреев, заодно и вылечат тебя. Борт уже на подлете.

Плавню открылась дверь. Вошедшая в палату молодая медсестра в голубой униформе при виде посетителя на секунду удивленно застыла, нахмурилась и возмущенно воскликнула:

– Мужчина, кто вас сюда пустил?! Здесь же реанимация! К тому же без халата!

– Тихо, красавица, тихо, – попытался успокоить её Гена. – Скоро нас здесь не будет, мы выписываемся. Так что потерпи немного.

– Что-о-о?! Кто это так решил?! Вон отсюда! – взвизгнула медсестра. Лицо девушки мгновенно покрылось красными пятнами от охватившей её ярости.

– Рот закрой! – рявкнул Гена и угрожающе сделал шаг в её сторону. Сейчас ему было не до церемоний, и он не собирался открывать диспут по поводу принятого решения.

Медсестра резко отшатнулась и испуганно заморгала ресницами.

– Геннадий Петрович! Прекрати! – прохрипел Матвеев. – Где Грамарь?

Бореев, продолжая коситься на притихшую медсестру, повернул голову в его сторону и коротко бросил:

– За дверь. Позвать?

Матвеев, устало прикрыв глаза, еле заметно кивнул.

Гена осторожно отодвинул медсестру от двери, приоткрыл её и крикнул в образовавшуюся щель:

– Коля, зайди!

Секунда, и в палате появился высокий, широкоплечий мужчина в темном костюме и водолазке. Короткая стрижка, темные волосы с абсолютно седыми висками; выступающий вперед подбородок; узкий, словно след от ножа, рот с бледными губами. Начальник службы безопасности холдинга, один из самых доверенных и близких людей Матвеева замер и хмуро уставился на своего босса глубоко посаженными глазами.

Злобно зыркнув на очередного посетителя, медсестра выскочила из палаты.

Александр кивком поприветствовал вошедшего и, заметив перехваченное тремя белыми полосками рассечение у того на лбу, поинтересовался:

– Чем это тебя, вчера?

– В машине, об стойку двери, – криво дернул губой Грамарь.

– Как думаешь, кто?

Николай опустил глаза, сунул руки в карманы брюк и покачал головой.

- Пока никаких идей. Сейчас начинаем полную проверку договоров и партнеров.
- Думаешь, кто-то из наших должников?
- Думай – не думай, а пробивать нужно всех, – пожал плечами Николай. – Всех, кому мы могли дорогу перейти: комерсов, чиновников, ментов.
- Ты еще президента не забудь, – зло пошутил Геннадий.
- Президента? – напрягся Грамарь. – Какого?
- Нашего! ВВ! На него всех собак вешают. Кого ни грохнут, всё ему предъявляют. Так что одним больше, одним меньше...
- Так он сейчас не президент, – наморщил лоб Николай.
- Да его хоть в дворники переведи, он всё равно рулить будет. Без его команды в этой стране даже мухи не летают.
- Гена, ты достал, – осадил друга Матвеев, морщась то ли от боли, то ли от досады.
- Там ещё Сытин дожидается, – доложил Николай.
- Зови.

Грамарь приоткрыл дверь и сделал приглашающий жест рукой. В палату боком просочился брюхастый человечек в дорогом костюме, с черной кожаной папкой в руках. Несмотря на маленький рост и нескладную фигуру, он держался с величавым достоинством. Улыбчивым и приятным Сытин бывал лишь с теми, от кого ему светила явная выгода. Например, общаясь с руководством, с партнерами или на переговорах с интересными клиентами, он становился очаровательным и даже харизматичным. А вот тем, кто от него зависел, в полной мере доводилось испытывать на себе грубую, хамскую натуру этого человека.

Но подчиненные привыкли не обращать внимания на недостатки в характере начальника, поскольку сотрудникам холдинга платили довольно неплохо.

В данный момент глаза Сытина излучали сочувствие и озабоченность.

- Привет, Александр Михайлович. Как же тебя угораздило? Какая же сволочь...
- Заканчивай, Юрий Иванович! – прервал его стенания Матвеев. – Ты по делу или так?
- И так, и по делу, – раскрыл папку Сытин. – Тебе перед отъездом бумаги бы подписать.

Матвеев вопросительно скосил глаза на Геннадия Петровича, тот мученически закатил глаза, демонстрируя свою непричастность к утечке информации об отъезде.

– Я заказ на самолет подписывал, – пояснил Сытин, заметив недовольную реакцию генерального директора. – Или ты хотел тайно смыться?

- Вчера уже пробовал смыться открыто, – злобно буркнул Матвеев.
- Ты что, мне не доверяешь?
- Проехали. Что нужно подписать?

Юрий Иванович быстро извлек из папки несколько листов бумаги с напечатанным текстом.

– Приказ о назначении меня исполняющим обязанности генерального, ну и так, по мелочи.

Александр Михайлович внимательно прочитал напечатанное, поднял глаза на Сытина и здоровой рукой смял приказ о назначении.

– Исполнять обязанности будет Бореєв. Так что завтра с утра он подпишет тебе остальные бумаги. А сейчас, будь любезен, подготовь новый приказ.

- Не согласен. Почему не я? Я все-таки финансовый директор и член Совета директоров.
- Геннадий Петрович тоже член Совета директоров и мажоритарный акционер.
- Я тоже акционер, и притом он не в курсе всех текущих дел.
- Так введи его в курс! – начал терять терпение Матвеев. – Короче, я так решил!
- Нужно решение Совета, – выложил последний козырь Сытин.
- Хочешь, чтобы мы сейчас с Геной проголосовали? Мои и его акции перевесят любое «против». Иди, у тебя час на подготовку приказа.

Юрий Иванович громко захлопнул папку и, не попрощавшись, вышел.

– Что это было? – недовольно спросил Александр Михайлович, когда за Сытиным закрылась дверь. – Гена, ты всё слышал? Сегодня же вступай в должность.

Судя по тому, что лицо Бореева вытянулось, эта новость стала для него полной неожиданностью. Он скривился, как от зубной боли, но спорить не стал: просто кивнул в знак согласия.

– Николай, ты летишь со мной. Когда всё там устроится, вернешься, а пока оставь кого-нибудь толкового за себя.

Матвеев, тяжело дыша, откинул голову на подушку, закрыл глаза, но тут же вновь приподнял её и произнес:

– Гена, будь осторожен, если что. Не включай героя.

– Есть не включать, – усмехнулся Геннадий Петрович.

Никто не откликнулся на осторожный стук в дверь. Саня постучал громче и настойчивее – ничего. Он машинально нажал на ручку, она поддалась, и дверь тихонько приоткрылась.

– Алё, есть кто-нибудь? – бросил он в образовавшуюся щель.

Ответом была тишина, и он решился открыть дверь полностью.

Интересная и насыщенная столичная жизнь, о которой грезил Матвеев, на деле оказалась довольно однообразной. Генка окончил школу; благодаря связям Бореева-старшего вступительные экзамены в университет тоже прошли без эксцессов. Однако прошлогодняя неудача намертво засела занозой в мозгу Матвея и не давала расслабиться. Он всё свободное время проводил за учебниками, в отличие от своего беспечного друга, который периодически рвался зажечь по полной. Однако бабушка железной рукой пресекала все его попытки. Против этой волевой женщины Гена, при всем своем желании вести взрослую, независимую жизнь, был просто безвольным слабаком. Тем более что у друга он никакой поддержки не находил, поскольку Саню всё вполне устраивало. Он твердо решил для себя, что пока не закроет первую сессию, ни о каких развлечениях не может быть и речи. А еще, в силу своего уличного воспитания, он не хотел и не мог подвести Генкиного отца, которому обещал присмотреть за сыном.

Познакомившись с Генкиной бабушкой, Саня вполне оценил слова друга про казарму. Виолетта Сергеевна даже внешне выглядела строго, а уж если начинала командовать, то превращалась в прапорщика на армейском плацу. При первых же звуках её голоса хотелось вытянуться в струнку, отказывать или разговаривать с ней в категоричном тоне было себе дороже. Своеволия эта женщина не терпела и обязательно находила способ достаточно жестко поставить ребят в удобные ей рамки.

В просторной четырехкомнатной квартире она являлась полновластной хозяйкой, но при этом ребята были окружены заботой и вниманием, и никто не напрягал их по поводу домашних дел. Хозяйством занималась приходящая домработница Зинаида, возрастом и нравом походившая на Виолетту Сергеевну. Она убирала, стирала, готовила и... командовала: так не делать, сюда не ходить, одежду не разбрасывать. Первое время Саня с опаской относился к строгой домоправительнице, а потом понял, что постоянное ворчание пожилой женщины – не более чем черта характера. На самом деле она заботилась о ребятах так, словно они были её детьми или внуками.

Виолетта Сергеевна была профессором кафедры экономики в университете и в свои шестьдесят три продолжала работать. Как-то Саша поинтересовался у Генки, почему она не уходит на пенсию.

– Доцент умирает у кассы. Слышал такую поговорку? – усмехнулся тот.

Саня недоуменно пожал плечами.

– Научные работники пашут, пока ноги носят, а некоторые даже когда и эти органы отказывают. На инвалидных колясках приезжают, – пояснил Гена. – Так что без вариантов: сама она никогда не уволится. Да если говорить честно, бабуля моя – в своем роде специалист уникальный. С ней даже академики считаются.

Вскоре Матвеев сам в этом убедился. Пару раз в месяц в квартире Бореевой собиралось довольно разношерстное общество, бывали и академики. Лица менялись, только двое из гостей присутствовали каждый раз. Первый – семидесятилетний худощавый мужчина в мешковатом костюме советского пошива, белой рубашке и при галстук. Аккуратно постриженный бобрик седых волос, слегка простоватое лицо с крупными чертами и жесткими скулами. Второй, лет сорока, был его прямой противоположностью: красивое интеллигентное лицо, ладно сидящие на спортивной фигуре пиджаки, модные рубашки.

Оба с подчеркнутой почтительностью и теплотой относились к хозяйке, неизменно являлись с цветами и при встрече галантно прикладывались к ручке. Даже у Саши эта красиво стареющая женщина вызвала волнующие эмоции – что уж говорить о возрастных мужчинах!

Не сразу, постепенно Генка рассказал Сане обо всех гостях, включая пару завсегдатаев. «Седой бобрик» Василий Павлович оказался отставным генералом, вдовцом и другом покойного мужа хозяйки – его портрет красовался в гостиной. Пожилой статный мужчина в парадном генеральском мундире выглядел точной копией Петра Александровича Бореева, только постарше. Внук поведал, что сам деда в мундире никогда не видел, да и вряд ли тот носил его на людях. Дед был академиком, но связанная с оборонкой работа не предусматривала гласности и всенародного признания – по крайней мере, при жизни. Второго постоянного посетителя вечеринок звали Роман Анатольевич Рудой, он работал заместителем директора Московского ипподрома.

На немое удивление в Сашиных глазах Гена гыкнул и объяснил:

– Он кандидат наук и бабулин ученик – как она говорит, самый одаренный. Только доходы на ипподроме несравнимы с университетской зарплатой.

– А чего он сюда таскается? – скривился Матвеев.

– Ну ты даешь! Где еще он с такими людьми познакомится? Вон генерал, что за бабушкой ухаживает, со Щелоковым вместе воевал. Да и другие ему под стать. При его-то занятиях связи – первое дело! Вдруг сажать начнут...

– Сажать? За что?

– Ты как маленький! Там у них такие бабки крутятся, что только золотой лопатой грести можно.

Саня слабо представлял, как на ипподроме можно грести деньги, да еще золотой лопатой, и просто махнул рукой.

Ребята, как правило, присутствовали за столом на посиделках, и если Гена просто отбывал номер, то Саня с интересом слушал разговоры высокопоставленных гостей. Всё крутилось вокруг неизвестных ему персон – ученых, военных, милицейских начальников. Попросту говоря, им перебивали косточки, и это было бы неинтересно, если бы гости вскользь не касались положения в стране и в мире. Именно вскользь, полунамеками, понятными только им, имеющим доступ к достоверной информации, а не к пропагандистскому бреду из официальных источников.

Ближе к полуночи гости расходились, и только генерал с Рудым почти всегда оставались помогать хозяйке с уборкой. Составив грязную посуду в мойку, вернув на свои места стол и стулья в гостиную, они курили на кухне за чашкой чая или бокалом легкого вина. Вот тогда для Матвеева наступало самое интересное, потому что разговоры генерала с собеседником приобретали довольно откровенный характер. Оба принимались ругать власть, но каждый по-своему. Василий Павлович, преданный коммунист сталинской закалки, обвинял руководство в предательстве ленинских идеалов. Слушая его изобилующие лозунгами патетические моно-

логи, Рудой морщился и ухмылялся уголками губ. Его недовольство имело более конкретную направленность. Не стесняясь в выражениях, он сыпал цифрами, доказывая несостоятельность партийного руководства, его тупость и закоснелость. Единственное, в чем мнения спорящих совпадали, – это коррупция. Саня слушал, раскрыв рот, стараясь понять, в чем проблема и как всё это можно исправить. Многие вещи с трудом доходили до него, и однажды, когда генерал вышел, он не выдержал и попытался кое-что уточнить у Рудого:

– А вот советская власть – она же народная, а её ненавидят...

Рудой чертыхнулся, замахнулся кулаком, собираясь грохнуть по столу, но передумал и спокойно опустил его.

– Власть, какой бы она ни считалась народной, простыми людьми всегда не любима, потому что подавляет и отбирает. И призвана она держать в узде стадо и вести его в нужном направлении. В этом её истинное предназначение. И советская – такая же, а то и хуже. Вожди – идиоты, воспитанники сталинской эпохи, и нет у них будущего, впереди только яма два на полтора. Нагромождение тупых лозунгов и бездарных идей, нежелание идти вперед... Им кажется, что все воспринимают идеи всеобщего равенства, идеи классиков марксизма как неоспоримую догму. Да и народ им под стать: спившиеся, голодающие жители социальной помойки, называющие себя «строителями коммунизма». Молодежь, принудительно изучающая работы Ленина и не понимающая, о чем он писал и, главное, зачем. Истлевшие, древние заветы, оторванные от реальных устремлений человека, желающего не строить светлое будущее, а жить хорошо здесь и сейчас. Вместо «хорошо» – сплошные запреты, а «хорошо» только там, за бугром. Поэтому уже большая часть «строителей коммунизма» лишилась своих иллюзий и подумывает о том, как бы свалить в светлое будущее, которое уже наступило в странах со «звериным оскалом капитализма». А этот звериный оскал, которым пугают нас с детства, вдруг превратился в прекрасную улыбку Моны Лизы – и манит, манит...

– Ты к чему молодежь склоняешь? – вкрадчиво поинтересовался генерал, возвратившись на кухню. – Диссидентом от тебя за километр несет. Спишь и видишь, как за бугор сорваться?

– Э-э-э, нет, я родину люблю, а в диссидентах пускай идиоты ходят, у власти права выклянчивают! Я же не собираюсь сидеть по тюрьмам и психушкам. Жить нужно удобно, со вкусом! Всё, что нельзя получить, можно купить. Хочешь за границу – дай денег секретарю горкома, или в МВД, или вообще... – Роман многозначительно поднял вверх указательный палец. – Заплатил – и ты уже стахановец, знатный передовик, герой труда, вали хоть в Америку, хоть в Африку. Всё покупается, всё продается. Да вы не хуже меня всё это знаете.

– Воруют, коммунисты воруют! – хрипло рявкнул Василий Павлович и оскалил зубы. – Да я бы...

– Воруют?! – вскинулся Роман, не дав ему закончить мысль. – Странное у вас понимание, впрочем, как и у всех. Тогда сразу возникает следующий вопрос: «Кто и у кого?» Разве нам здесь что-то принадлежит? Что вы сделали, товарищ генерал, чтобы вам принадлежало что-то? На баррикады пошли, выступили на партийной конференции, на худой конец? Сидите на кухне и молча наблюдаете, как ребята шустрят. А теперь претендуете на что-то. Всё распределено уже давно и нам не принадлежит. И на что претендуете? Чтобы с вами поделились? Как бы не так! Воруют!.. Воруют вору, а бандиты просто приходят и берут. Так что никто ничего не ворует.

– Это кто бандиты? – проскрипел генерал.

– Власть. У власти всегда стоят бандиты. Не важно, в какой стране. Человек более активный, лишенный каких-либо моральных заморочек, рано или поздно становится бандитом. Он хочет, а главное, может – в силу своей ментальности – жить лучше других, командовать, навязывать свои правила. И не важно, то ли это преступное сообщество, с точки зрения общественного мнения, то ли это государство. Устройство и того, и другого одинаково. Главный получает больше остальных, распределяет прибыль, контролирует финансы. Строгая иерархия, жесткие

законы. Так что определение «воруют» никак не подходит. «Берут свое» – так правильное. Зачем воровать, если всё и так принадлежит им?

– И что делать? – растерянно спросил Матвеев.

– Ну, это зависит от твоих запросов. Если хочешь много и вкусно, то подстраивайся под чью-нибудь систему или создавай свою – если потянешь. Ну а не хочется жилы рвать и рисковать – довольствуйся тем, что упало с барского стола, и утешайся разговорами на кухне. А дернешься – так ребятам в высоких кабинетах тоже развлечений хочется, поэтому идите на улицы, вас там быстро под автоматы поставят, как в Новочеркасске.

– Как-то всё кисло. Прямо жить не хочется, – театрально вздохнул Гена.

– Это я нарочно тучи сгустил, – тихо засмеялся Роман. – Для того чтобы вы понапрасну не строили иллюзий. Конечно, не всё так грустно. Просто нужно найти свое место или захватить. Идеи всеобщего равенства – утопия, сопливая романтика. Время романтиков никогда не существовало, всегда было время прагматиков и циников. А редкие всплески романтизма давили, как заразу, как страшную болезнь, выжигали каленым железом. Последних идеалистов и романтиков повесили после Сенатской площади. Но если бы они обладали даром предвидения и увидели, во что превратили страну их последователи, то вряд ли затевали бы свое выступление.

– Ты откуда про Новочеркасск знаешь? – тихо спросил генерал.

– Я что, в вакууме живу? – развел руками Рудой.

Генерал хмуро взглянул на него и медленно повертел головой.

Саня непонимающе смотрел на них. Он пару раз бывал в Новочеркасске, благо это недалеко от его города, но ни о чём таком и слыхом не слыхивал. Он хотел было уточнить, о чём речь, но Гена потянул его за рукав.

– Пошли спать, – прошептал он Сане в ухо, настойчиво подталкивая к выходу.

– Гена, что за приколы? Не дал расспросить, – нахмурился Саня, когда они закрылись в своей комнате.

– Какое расспросить! Ты видел, как генерал набычился? Они сейчас сцепятся, Виолетта разнимать придет. Каждый раз одно и то же...

– Так зачем она их приглашает?

– Ну, генерал – кавалер её, а Рома – просто друг семьи. Да они пособачатся, а потом опять в десна бахаться будут. Старая история.

– Генерал – кавалер? – вытаращил глаза Саня.

– Ну да, он бабулю давно охаживает. Ну а что такого, они ещё крепкие старики. Отец даже не против, чтобы генерал к ней переехал, только она тормозит.

– Понятно. Жаль, про Новочеркасск не дослушал.

– Да там всё просто. Работяги взбунтовались, а их солдаты постреляли.

– Да ты что! А когда?!

– Давно, еще при Хрущеве. Там тогда прямо восстание было, против повышения цен на продукты и снижения зарплаты. Говорят, даже плакат нарисовали: «Хрущева на мясо». Народ горком и исполком громил, потом в город пригнали солдат и... из автоматов по толпе. Только всё засекречено. Для генерала это большая тема. Я тебя и уволок, чтобы он окончательно не завелся. Хочешь, можно завтра бабулю расспросить подробнее.

Саня молча кивнул. Стараясь не шуметь, он вышел в коридор и направился в ванную. В просторной прихожей слышался приглушенный женский голос, менторским тоном выговаривающий что-то гостям. Саня замер на месте и прислушался.

– Вы что творите? Зачем при мальчиках устраивать эти бессмысленные диспуты? У них и без вас мозги набекрень.

– Не скажите, не скажите, – вполголоса возразил Рудой. – С мозгами у них, по-моему, всё в порядке. По крайней мере Саша вполне здраво рассуждает.

– В наше время за такие здравые рассуждения можно и поплатиться. Пожалуйста, больше не втягивайте их в свои споры.

– Хорошо, хорошо. Спасибо за прекрасный вечер.

Входная дверь тихо хлопнула, Саня тут же нырнул в ванную комнату и через секунду услышал удаляющиеся шаги хозяйки дома. Утром, припомнив вчерашний разговор Виолетты с гостями, он счёл неуместным расспрашивать её. Впрочем, утром всё видится по-другому, и события давно минувшего времени уже не казались такими интересными.

Матвеев шагнул в комнату и объял взглядом студенческое жилище. Стол с остатками то ли завтрака, то ли вчерашнего ужина, две пустые бутылки из-под дешевого портвейна. Четыре пошарпанных стула, четыре одинаковые кровати вдоль украшенных фотографиями из журналов стен, большой платяной шкаф у входа. Три застланные застиранными покрывалами кровати были пусты; на четвертой, у двери, лицом вниз лежал парень в затертых джинсах и с голым торсом. Над ним на стене фотография: группа молодых девушек, человек семь, явно позируя фотографу, живописно расположилась у фонтана.

Всё выглядело как год назад, будто кто-то нарочно сохранил интерьер, ожидая возвращения Сани. Только парень с мощным торсом никак не вписывался в его воспоминания. Саша громко кашлянул. Спина парня слегка дернулась, напряглась, затем приподнялась и повернулась в сторону гостя голова.

– Чё надо? – сипло бросил лежащий, не открывая глаз.

– Я... я хотел узнать... – несколько растерянно промямлил гость.

Парень резко перевернулся на спину, затем сел на кровати, открыл глаза и смахнул назад длинный густой чуб.

– Знакомая рожа. Ты кто?

– Конь в пальто! – обиженно насупился Матвей.

Он узнал парня: Коля. Во время своего первого приезда в Москву он несколько раз пересекался с ним в компаниях. Этот здоровяк-старшекурсник, заводила и любитель шумных застолий был года на четыре старше и уже отслужил в армии. Его панибратские отношения с Сашинной подругой вызывали у парня жуткую ревность, пока не он понял, что так Николай общается со всем женским населением общежития.

– Блин! Вспомнил! Ты Ленки Морозовой хахаль, абитура. Чё хотел? – воскликнул Коля, окончательно очнувшись.

– Здесь раньше девчонки жили, – попытался уточнить Матвей.

– Они и сейчас здесь живут, – равнодушно пожал плечами Николай. – Меня просто из общаги турнули, так я вот и кантуюсь у них, пока жильё не нашёл.

– А Лена?

– Что Лена? Лена – фьюить! – присвистнул Коля. – Она здесь не появляется. У неё есть где жить. Ты что, её ищешь?

Саня мрачно насупился и коротко кивнул.

– Зря! – отрезал Николай. – На хрена ты ей сдался? Впрочем, как и она тебе. Головняков в жизни не хватает?

– Тебе какое дело?! – разозлился Матвей. – Не знаешь – так и скажи! А советы свои засунь...

– Ладно, не нарывайся, – усмехнулся парень. – А то и правда могу засунуть... тебе... в башню. Часы имеются? Сколько сейчас?

Саня приподнял рукав куртки и бросил взгляд на левое запястье.

– Почти одиннадцать.

– Блин! Опаздываю! Тебе, братан, подфартило. Ленка сейчас в кафе на Шлюзовой. Я с ней вчера встретиться договаривался. Погнали!

Он ловко соскочил с кровати, натянул на ноги теплые ботинки, сдернул со спинки кровати свитер, понюхал его и, удовлетворенно крикнув, надел прямо на голое тело. Несколько минут быстрым шагом по заснеженной улице – и они уже тряслись в шумном трамвае.

Заштатное кафе неподалёку от здания инженерно-строительного института – любимое место студенческой братвы. Не очень вкусно, но быстро и недорого, а это важнее. Там практически никогда не бывало свободных мест, но когда ребята ввалились в зал вместе с потоком морозного воздуха, то Лена сидела за столиком одна. Саня невольно замер. Всё та же причёска – окрашенные в радикально черный цвет коротко постриженные волосы выгодно подчеркивают тонкие черты лица, карие глаза и полные детские губы. При этом она изменилась почти до неузнаваемости и уже не напоминала обыкновенную студентку. Девушка сидела вполоборота, закинув ногу на ногу, слегка покачивая модным черным полуботинком; узкие бедра плотно облегают темные джинсы, короткая шуба из чернобурки наброшена на плечи, на столе шапка из того же меха.

– Почем матерьяльчик? – весело гаркнул Коля, подкравшись к ней со спины и трогая пушистый мех.

– Отвали от шубы, Грамарь, не трожь, – огрызнулась Лена и неожиданно застыла, увидев Сашу.

Грамарь, удовлетворенный произведенным эффектом, громко хмыкнул, дернул стул от соседнего столика и уселся на него верхом.

– Ты-ы-ы? – протянула девушка, резко встала с места, шагнула к Саше и, будто не веря своим глазам, осторожно коснулась пальцами его лица.

Он стоял, не имея сил оторвать взгляд от её увлажнившихся глаз. Его рука поймала тонкие пальцы у лица и нервно сжала их. Девушка слегка поморщилась, отстранилась и села на место.

Николай по-хозяйски подвинул второй стул и жестом пригласил Саню присесть. Лена уже не смотрела в его сторону, достала из сумки сигареты и зажигалку, закурила, глубоко затянулась, затем подвинула пачку ребятам. Они синхронно отрицательно качнули головами.

– Сколько? – неожиданно обратилась она к Грамарю.

– Сколько не жалко, я совсем пустой. Через месяц отдам.

– Сколько не жалко, столько нет. А ты что, через месяц наследство получишь? – язвительно буркнула девушка. – Или все-таки работу нашёл?

– Нашёл, – обреченно вздохнул Коля. – Я в ментовку устраиваюсь.

– О как! – оживилась девушка. – С чего бы?

– Я серьезно! – обиженный недоверием, протянул Николай. – Другого варианта нет. Там жильё приличное, прописка и форма. Меня на неделе патруль загрёб, я же без прописки здесь болтаюсь после отчисления. Хотели отправить по месту жительства, но майор предложил к ним на работу пойти. А чё, чем не работа?

– Нормально, – пожала плечами Лена.

Она полезла в сумку, порылась там, достала два червонца и протянула Николаю. Тот быстро ухватил их, сунул в задний карман джинсов и, приподнявшись, крепко обнял девушку. Она не отстранилась, только в ответ похлопала его по широченной спине.

– Исчезаю! Санёк, бон аппетит!

Коля хитро подмигнул Матвею, кивнув в сторону Лены, и поднялся. Удивленный тем, что оказывается, этот парень помнит его имя, Саня криво улыбнулся в ответ.

– Грамарь, ты гад, – лениво бросила девушка. – Вали!

Коля махнул рукой на прощание и исчез.

Лена аккуратно загасила сигарету в пепельнице, повернулась к Саше и неожиданно прижалась к нему, уткнувшись лицом в шею. Он осторожно положил ей руку на спину, затем приобнял, вдохнул аромат её духов вперемешку с табачным запахом и нежно тронул губами прядь волос на виске. Ощутил, как вздрогнуло её тело, и замер с беспомощным выражением на лице, борясь с мучительным желанием сжать её в объятиях. Она же вся подалась к нему, словно желая раствориться в нем, но это длилось лишь секунды. Затем Лена отстранилась, легким движением поправила причёску и опять закурила.

– Ты как здесь? – спросила она тоном, который разом расставил всё по своим местам.

Чувственный порыв, секунду назад поднимавший его к облакам, начисто смело холодным, равнодушным голосом. Казалось, ей вдруг стало скучно, и даже раздраженные нотки прозвучали в этом простом вопросе.

– Я учусь здесь, – ответил он, стараясь унять дрожь от обиды. – Вот вчера сессию закрыл, ну и подумал найти тебя.

– Зачем?

Спросила без заинтересованности, просто вежливое продолжение разговора. Саня грустно пожал плечами. Он не был готов ответить, так как и сам себе не мог объяснить, зачем. Может, потому что мысли о ней мешали жить, мешали двигаться вперед, тянули в прошлое? Всех знакомых девушек он непроизвольно сравнивал с Леной, примерял на её место, но даже более красивые почему-то проигрывали это сравнение.

– Где учишься?

– МГУ, буду экономистом.

– Интересно!

Он почувствовал, что ей стало действительно интересно – в ее голосе слышалось неподдельное удивление.

– А ты молодец. Как тебе удалось поступить?

– Помогли. Долго рассказывать.

– Долго? – задумчиво проговорила Лена. – Пусть будет долго, – вдруг решительно сказала она, натягивая на голову шапку.

Торопливо набросила шубу, схватила одной рукой сумку, второй сжала локоть парня и потащила к выходу. На улице, не давая опомниться, махнула рукой, останавливая такси, почти силой запихнула Саню на заднее сиденье и плюхнулась рядом.

– Татарская, семь, – объявила Лена.

– Это же рядом, – скривился водитель.

– Три счетчика! Мы не можем ждать!

Водитель удовлетворенно хмыкнул, и машина сорвалась с места.

Бегом, бегом! Они торопились, словно боясь не успеть, упустить минуты волнительного, всепоглощающего счастья. Как будто вот сейчас, в эту секунду жизнь пролетит мимо, словно пуля, и всё кончится. Этаж, еще этаж, проклятый замок, проклятые ключи! Срывая одежду, они вломились в спальню, рухнули на кровать, стиснув друг друга, и через секунду он ощутил, как под его напором пульсирует ее горячее нутро.

Придерживая на груди сползающую теплую шаль, Лена стояла у окна спиной к кровати, нервно затягиваясь сигаретой и периодически сбрасывая пепел в горшок с цветком.

– Ну как ты не можешь понять, родной... Всё, что у меня есть, – всё он. Да, ты единственный, с кем я чувствую, кого я хочу... Но что нас ждёт? Я не хочу тянуть лямку, считать копейки, как моя мать, и не знать, чем кормить семью завтра. А эти обноски всё детство – от друзей, от соседей! Штопанное-перештопанное! Ненавижу! Ненавижу!

Лёжа на кровати, Матвей молча слушал стенания девушки, которая несколько минут назад задыхалась от счастья в его объятиях, и её слова горьким упрёком застревают в его голове. Вся народная мудрость про рай в шалаше разбивалась о парализующий её разум страх

нищеты. Он не собирался уговаривать и обещать, понимая, что все его доводы будут выглядеть пустой болтовнёй. Однако что-то сказать нужно, но он не знал, что.

Поднявшись, Саня стал методично собирать свои вещи по квартире, медленно оделся, подошел к стоящей у окна Лене и обнял ее за плечи.

– Ты боишься его?

Она громко всхлипнула и кивнула.

– И его боюсь, и за тебя боюсь. Ну зачем ты меня нашёл?!

Саня поцеловал девушку в шею, прошел на кухню, набрал в стакан воды из-под крана и жадно выпил.

– Его не будет еще несколько дней, – услышал он позади себя, повернулся к стоящей в проеме девушке и небрежно пожал плечами.

– И что? Несколько дней – и всё? Что потом?

– Там видно будет, – подумав, грустно сказала Лена. – Сейчас у тебя каникулы, у меня каникулы...

Она вопросительно взглянула в его глаза, но Саня обиженно набычился и надрывно бросил:

– Сюда я больше не приеду. Набери меня завтра. Извини, мне пора.

Он записал номер телефона в блокноте, лежавшем на кухонном столе, и вышел в прихожую. Не обращая внимания на Лену в дверном проеме кухни, он молча напяливал на ноги ботинки, когда раздался звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь? – насторожился Саша.

– Ой, это, наверное, Валька. Помнишь её? Я забыла, что мы с ней договаривались.

Не помнил он никакой Вальки! Отрицательно дернул головой, крутнул ручку замка и распахнул дверь. На лестничной клетке с бутылкой вина в руке застыла девушка чуть старше двадцати, с торчащими из-под вязаной шапки ярко-рыжими локонами. Повисла красноречивая пауза. Казалось, раскрытые от удивления глаза Вальки вот-вот выкатятся из орбит и запрыгают, как мячики, по замызганной плитке.

– Привет, – наконец выдавила она.

– Проходи, – прогнусавила заплаканная Лена, зябко поеживаясь под шалью.

Саня молча протиснулся мимо входящей девушки и аккуратно закрыл за собой дверь.

– Ну ты даешь, подруга! – восхищенно воскликнула Валя, в упор разглядывая полубоженную Лену.

Та небрежно отмахнулась от неё, повернулась и скрылась в спальне. Спустя некоторое время девушки уже суетились на кухне: гостья открывала вино, Лена варила кофе по-турецки на плите в медной турке и периодически морщилась, как от горечи, слушая Валькину болтовню и советы.

– Валюш, ты можешь заткнуться? – не выдержала она. – Без твоих советов разберусь. И так тошно.

– Он что, напрягает?

– Да нет, – грустно глядя на подругу, покачала головой Лена. – Скорее наоборот. Как вспомню, что я ему плела, аж оторопь берёт.

– А он?

– Что он? Слушает, молчит. А что он может сказать? Пацан ещё! Я же такая взрослая, опытная... аж противно.

– Ну так и есть. Как там Грамарь говорит: от него мамиными пирожками еще пахнет.

– Пахнет! Ох, пахнет!

Лена с шумом втянула носом воздух, зажмурилась от удовольствия и через секунду продолжила:

– И откуда только взялся? Я же ему год назад вроде всё объяснила, отшила жестко, чтоб не страдал. Сама полгода маялась, еле успокоилась, и на тебе... Никуда мои чувства не делись.

Лена разлила кофе по чашкам, открыла коробку конфет и устроилась за столом напротив подруги.

– Не знаю, Ленчик, если, как ты, постоянно маяться, убиваться по раздавленным чувствам, конечно, будет больно и телу, и душе. Соберись, ты как машина, должна доставлять удовольствие и терпеть.

– Да засунь ты свои советы! Сама-то не терпишь...

– Не с кем. Не попался мне такой, как тебе. Конечно, любой хочется нежных мужиков, чтобы каждая клеточка пробуждалась и при этом денег вагон у него. Но это же редкость, бриллиант в навозной куче. А пока нужно пользоваться тем, что под рукой, никаких сопливых переживаний. Мужчины должны доставлять нам удовольствие, одевать нас, кормить и защищать, делать нашу жизнь красивой и полной удовольствий. И чем больше мужчин, тем больше удовольствий и насыщеннее жизнь.

– Больше мужчин, больше удовольствий... Может быть... – задумчиво протянула Лена. – Только, мне кажется, если Санька позовет – всё брошу, закрою глаза – и как в омут.

– Да-а-а. Похоже, ты встряла. А твой нынешний? Игорь, как с ним? Сможешь свалить без проблем?

– Смогу. Трудно, но решаемо. Только вряд ли решусь. Мать болеет, братья – кто им помогать будет? Только наладилось всё. Э-э-эх! Наливай, что ли.

Валя наполнила бокалы, и подруги со звоном сомкнули их, чокаясь.

Оставшись одна, Лена долго сидела на диване в гостиной, не включая света, тупо глядя в пространство комнаты и перебирая в памяти события прошедшего дня. Потом плакала, вспоминала и опять плакала – не от жалости к себе, а от сладкого томления, периодически сдавливающего грудь, перехватывающего дыхание.

Вдруг ей вспомнилась первая встреча с Игорем на дне рождения одного из сокурсников, сына какого-то партийного чиновника. Собрались на загородной даче: солидные, богато одетые взрослые, дети московской элиты и они с Валею, неизвестно как затесавшиеся в эту компанию. К тому моменту Лена уже окончательно пришла в себя после расставания с Сашей, однако её непредсказуемо капризное подсознание по инерции отшивало всех поклонников, и управлять им было практически невозможно. От нее весь вечер не отходил один из друзей именинника, но при всей его обходительной настойчивости Лена оставалась равнодушной к ухаживаниям. Уже ближе к ночи, находясь в изрядном подпитии, она оказалась с ним наедине в какой-то комнате. И вдруг без прелюдий и объяснений он завалил её на огромный диван, впился губами в губы и предпринял попытку содрать с неё юбку. Лена вцепилась ему в волосы, оторвала от своего лица, дико заорала, но парень не собирался останавливаться. Похоже, яростное сопротивление девушки вывело его из себя, и он, оставив в покое юбку, с рычанием сдавил ей горло. Лена захрипела и в ужасе крепко зажмурилась...

И вдруг хватка ослабла. Еще секунда – и исчезла навалившаяся на неё тяжесть. Девушка открыла глаза. Лицо склонившегося над нею человека не выражало ни участия, ни жалости. Только холодная уверенность сквозила во взгляде тёмных глаз на худощавом лице. Справа раздался стон, и Лена, испытывая легкую боль в мышцах шеи, медленно повернула голову. Насильник сидел на полу, прижимая ладонь к губам, сквозь пальцы просачивались капли крови.

В этот момент в комнату ввалились двое мужчин. Один из них бросился к сидящему на полу парню и заорал:

– Лёня, сынок, что с тобой?! Кто это сделал?!

Несостоявшийся насильник отнял от лица окровавленную руку и указал, кто.

– Игорь! – рявкнул мужчина и тут же осекся.

Равнодушное выражение на лице Лениного спасителя сменилось на злобно-угрожающее. Он сделал шаг в сторону вошедших и резким движением указал на дверь. Мужчина мгновенно подхватил сына под мышки и с помощью второго поволол его к выходу.

До этого случая Лена никогда не ощущала необходимости в «крутом» защитнике, да и вообще такое произошло с ней впервые. Всё еще пребывая в шоке, она с трудом поднялась на ноги и оправила смятую одежду. В коридоре незнакомец подхватил ее за локоть и, придерживая, провел во двор. Там он на минуту оставил её, подошел к группе мужчин и, сунув руки в карманы брюк, бросил несколько фраз в лицо отцу избитого им парня. Тот стоял, молча глядя, и только виновато разводил руками. В тот вечер Лена согласилась, чтобы Игорь довез её до общежития. Её и Валю, которая, устроившись на заднем сиденье новенькой «Волги», весь путь болтала без умолку. Новый знакомый проронил за всё время не более пары фраз.

Ленин защитник не навязывался, не требовал ничего, но своей обволакивающей предупредительностью и тактом заставил ее думать о себе. Игорь умел очаровывать, и вскоре они начали встречаться.

Ему было тридцать два, не женат, упакован деньгами. Вначале Лена не думала, что их отношения – всерьез. Ей казалось, что этому человеку она нужна как приятная, красивая, но временная игрушка. Он не пускал её в свою жизнь, не рассказывал, чем занимается, где живет, не знакомил с друзьями – только заваливал подарками и деньгами. Заваливал настолько, что иногда ей становилось страшно от такого изобилия. Только со временем она поняла серьезность намерений Игоря. Случайно брошенная фраза о свадьбе не вызвала неприятия с его стороны. «Хочешь замуж? Давай поженимся», – не раздумывая ответил он. Тогда Лена испугалась и замотала головой, постаравшись перевести всё в шутку. Да, она была ему благодарна, да, всё складывалось прекрасно, но она не любила его, не горела страстью. Хотя иногда, если он пропадал надолго, всё же скучала.

Прогоняя мысли об Игоре, Лена тряхнула головой, встала, прошла к окну и отодвинула тяжёлую портьеру. На приковывающие взгляд огни ночного города наложилось ее отражение в стекле: заплаканные и припухшие глаза, покрасневший нос.

– Красавица! – сказала она вслух, щелкнула по носу отражение своего лица в стекле и показала ему язык. Выпитое вино приятно шумело в голове, тянуло в сон. Лена сладко зевнула, поежилась и побрела в спальню.

Саня в абсолютной прострации бродил по заснеженным улицам, пока не перестал ощущать вконец замерзшие пальцы ног и рук, и лишь тогда повернул в сторону дома. Спустя некоторое время он нырнул в теплый подъезд и поднялся на этаж, но замешкался перед дверью квартиры. Непослушные скрюченные пальцы никак не могли извлечь ключи из кармана брюк. Наконец ему это удалось, но связка не удержалась в руке и звонко брякнулась на плитку лестничной клетки. Саша нагнулся за ней, и в эту же секунду над головой клацнул замок и дверь распахнулась.

Глядя на согнутую спину парня, Виолетта Сергеевна облегченно выдохнула:

– Ну слава богу, пришел! Мы тебя потеряли, Саша.

Матвей выпрямился и застыл перед ней с виноватым лицом.

– Простите, Виолетта Сергеевна, что-то я действительно того...

Заметив его побелевшие, скрюченные пальцы, женщина театрально всплеснула руками.

– Саша, ты же заболеешь! Бегом в ванную!

Густая и душистая пена белым пушистым облаком возвышалась над краем ванны. Блаженно закрыв глаза, Саня лежал, погружившись по самые ноздри, и тихо постанывал от удовольствия. Скрипнула дверь, он повернул голову и вопросительно уставился на застывшего у двери Генку.

– Ну ты даешь! – полушепотом прошипел друг, растянув в улыбке рот до ушей. – Виолетта чуть умом не тронулась. Даже в ментовку звонила.

– Чего-о-о? – протянул Саша. – Зачем?
– Узнавала о происшествиях. Ладно, расскажи лучше, как прошло? Нашел её?
Саня медленно кивнул, глубоко вдохнул и скрылся в облаке пены с головой.
– Матвей, блин! – зашипел Гена. – Давай, колись, где пропадал, что делали?
– Ген, шел бы ты, – отшил его Матвей, вынырнув на поверхность. – Сейчас вытрусь, приду и всё доложу, товарищ начальник.

Они вдвоем пили на кухне чай с малиновым вареньем. Виолетта Сергеевна всё приготовила, накрыла на стол и отправилась спать, оставив ребят одних. Гена выслушал короткий рассказ и задумчиво наморщил лоб, потирая подбородок.

– А этот её мужик, он вообще кто?
– Не знаю, да и какая на хрен разница! Может, начальник или директор какой-то. Главное – он может то, чего я не могу. И смогу ли когда-нибудь – не-из-вест-но!
– Директор? – покачал головой Генка. – Не! Директора так не гуляют, квартиры не снимают и не ремонтируют, шубы такие не дарят. Да и потом, директора раком поставить – как два пальца об асфальт: письмо в горком, и ваших нет. Сдаётся, это очень мутный товарищ. Иначе она его не боялась бы.
– Может, уголовник?
– Может, не может – это всё пустой разговор, – обречённо вздохнул Геша. – А везёт тебе на Ленок!
– Чего? – словно очнувшись, переспросил Саня. – Каких Ленок?
– Ну та, что на дискотеке висла на тебе, Лена, и эта Лена, – уточнил Гена и тихо засмеялся.
– А-а-а, ты об этом. Вспомнил тоже... Знаешь, что-то меня рубит. Пошли спать.
– Еще бы, потрудился сегодня, – завистливо буркнул Гена, поднимаясь с места.

События следующего утра отодвинули на задний план Сашины переживания. Хотя переживаниями чувства, которые он сейчас испытывал, можно было назвать с большой натяжкой. Странно, но несмотря на довольно туманные перспективы, сейчас он ощущал себя более уверенно и спокойно, чем до встречи с Леной. Почти полтора года его не оставляли мысли о девушке, очень хотелось найти её, просто увидеть, вновь окунуться в атмосферу забытого праздника. Вчерашняя встреча оставила массу вопросов, но вместе с тем принесла успокоение, как после успешно выполненного задания. Всё встало на свои места, его чувства обрели реальное воплощение, здесь и сейчас всё было предельно ясно. Будущее? С будущим он разберётся: эту уверенность давало ему искреннее чувство, звучащее в каждом слове, которое срывалось с губ девушки.

Бегущие друг за другом короткие звонки, прозвучавшие у входной двери, переполошили всю квартиру. Зинаида торопливо проследовала в прихожую мимо хозяйки, застывшей в дверях спальни с тревожным выражением на лице.

– Зина, Зина, так не открывай, спроси кто! – крикнула вслед Виолетта, поправляя пеньюар на груди.

– А то, – буркнула домработница себе под нос, одновременно прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за двери.

Разбуженные звонками ребята тоже выскочили из своей комнаты – как раз в тот момент, когда через распахнутую настежь входную дверь поочередно протискивались их отцы с большими чемоданами в руках. На лестничной клетке виднелись еще несколько посыльных ящиков, и парни бросились помогать. Через несколько минут прихожая напоминала багажное отделение почты. Зина недовольно обвела взглядом составленные друг на друга ящики и перевела вопрошающий взгляд на Петра Александровича.

– Петя, здравствуй, – Виолетта Сергеевна обняла сына, подставляя щёку для поцелуя. –
Что это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.